

ВЛАДИМИР

КОЛЫЧЕВ

МАСТЕР КРИМИНАЛЬНОЙ ИНТРИГИ

КРУЧЕ НЕ БЫВАЕТ

Колычев. Мастер криминальной интриги

Владимир Колычев

Круче не бывает

«ЭКСМО»

2013

Колычев В. Г.

Круче не бывает / В. Г. Колычев — «Эксмо», 2013 — (Колычев. Мастер криминальной интриги)

На городском кладбище найдено тело бывшего заключенного Егора Сошникова со следами насильственной смерти. Оперативники осмотрели место преступления и обнаружили рядом с трупом могильную плиту, земля под которой была явно кем-то подкопана, будто оттуда что-то достали. Удивлению сотрудников полиции не было предела, когда стало известно, что изображение именно этой могильной плиты вытатуировано на груди убитого... Расследование загадочного преступления берет на себя подполковник Степан Круча, и интуиция подсказывает ему, что дело это не рядовое...

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5	24
Глава 6	29
Глава 7	35
Глава 8	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Владимир Колычев

Круче не бывает

Часть первая

Глава 1

Смерть страшна сама по себе, но еще ужасней она кажется здесь, на кладбище, на этой конечной остановке жизненных маршрутов. Кресты над могильными холмами, памятники, надгробья, ограды вокруг вечных пристанищ – нет, это не пугает, всего лишь наводит тоску. Страшно не умирать, а умереть. Для упокоенных здесь людей предсмертные страхи, душераздирающие похоронные марши в исполнении духовых оркестров остались в прошлом, для них уже наступила загробная жизнь. Она наступала где-то, а приходила сюда вслед за траурными процессиями, и здесь ее присутствие казалось таким же естественным, как листва на деревьях. Но смерть могла ворваться сюда на кончике ножа, вот это уже казалось пугающе ненормальным. Могла и ворвалась – вслед за живым человеком, умервила его.

Мужчина с кудряшками волос лежал на боку под раскидистым вязом из двух, плотно прилегающих друг к другу стволов. Вытянув правую руку, он мертвой хваткой окоченевших пальцев держался за нижнюю поперечину сваренной из железных трубок ограды. Ссадина на лбу – возможно, след от столкновения с деревом. Синяк под глазом, разбитая губа – это уже признаки контакта с подвижным предметом, например с кулаком. Приличный джинсовый костюм на покойнике, кроссовки. Кровь на штанине – похоже, убийца вытер нож об нее. Грязь на коленках и локтях, куртка и брюки в пыли, поднятой с сухой земли.

Дерево росло в проходе между могильными рядами и создавало препятствие для людей. Чтобы обойти вяз, надо было встать к нему полубоком и в таком положении втиснуть свое тело между стволом и железной оградой. Днем это препятствие бросалось в глаза, а ночью его можно было и не заметить – особенно если небо без луны. А если еще и бежать сломя голову...

Судя по предварительным оценкам, смерть наступила ночью, разброс по времени пока широкий – от двадцати трех до четырех часов, но более подробная экспертиза значительно сузит этот диапазон. Этой ночью погода была хорошая, луна, правда, неполная, зато безоблачно. Но крона у вяза пышная, будто взбитая перина, и в ее тени затерялись очертания ствола. Возможно, человек бежал, а за ним кто-то гнался. Беглец наскочил в темноте на ствол и тут же получил удар в спину. Предположительно ножом, под левую лопатку. Умер он не сразу, потому что от места падения до нынешнего положения тянулся кровавый, около метра длиной, след. Более точное расстояние отражено в протоколе осмотра, но какая разница, метр потерпевший прополз или чуть больше? А вот размер отпечатков от обуви важен до миллиметров.

В проходе между кладбищенскими рядами протоптана тропинка, она огибала вяз, тянулась дальше, земля на ней сухая, но в одном месте – сыроватая. Надгробная плита чисто вымыта, видно, что кто-то был здесь вчера, с водой и тряпкой. Видимо, не всю воду израсходовали, часть вылили на землю; место это не успело просохнуть, потому и остались следы – два отпечатка ног. Размер обуви примерно одинаковый, примерно сорок третий, но протекторы разные, да и отпечатаны правые подошвы. Но и это еще не все. За деревом, в той стороне, куда так стремился терпящий бедствие человек, нашли еще один след – кто-то наступил на широкий плоский камень вымазанной в крови туфель. Или даже туфелькой. Там только фрагмент подошвы, даже размер обуви не установить, но, судя по ширине следа, оставила его женщина с маленькой ножкой...

– Илья, ну чего ты ворон считаешь? – послышался из-за спины голос. – Давай сюда!..

Дмитрий Шульгин говорил негромко, но на фоне кладбищенской тишины его голос прозвучал как выстрел. Впрочем, капитан Романов не вздрогнул, он же не кисейная барышня, которую можно напугать звоном гусарских шпор.

Малорослый Шульгин стоял у высокого постамента из черного мрамора, на котором возвышался печальный ангел с опущенными крыльями, держащий в руке прямостоящий крест. Красивый ангел, стройный, херувимская скорбь в правильных чертах лица; скульптору пришлось потрудиться, вычерчивая складки на хитоне. И еще автор смог передать состояние вечного покоя, в котором пребывал ангел – ни на крыльях взлетать он не собирался, ни пешком идти, просто стоял, оплакивая грехи погребенных вокруг людей. Зато из Шульгина энергия фонтанировала, как вода из Большого Исландского гейзера. Он резко повел рукой, увлекая за собой напарника, и перепрыгнул через трубу, которая выглядывала из надгробья. Ангел с крестом смотрелся впечатляюще, но плиту под постаментом уложили неудачно: опорная труба должна была находиться в земле, а она почему-то выходила наружу, причем так, что можно было об нее споткнуться. Илье тоже пришлось перескакать через это препятствие. И еще этот памятник не был огорожен, хотя в траве угадывался фундамент для забора и виднелись вертикально торчащие швеллера.

Зато соседняя могила была огорожена высоким – по плечо – забором из железных уголков, и калитка заперта на замок. Памятник обыкновенный, из гранитной крошки, в виде четырехгранной стелы с маленьким железным крестиком на вершине. Забор покрашен, трава вокруг надгробья скошена, поминальный столик на одной ножке стоит прямо, и железная скамейка не перекошена, как это часто бывает. Хорошо за могилой ухаживают, спору нет. И совсем непонятно, кто подкоп под могильной плитой сделал. Свежий подкоп, земля еще влажная перед ним бугрится.

Шульгин провел рукой над верхней поперечиной ограды, на которой виднелись маленькие комочки земли.

– Кто-то перелезал здесь. И не раз. И не один, – сказал Дима. – И это было совсем недавно.

Он в раздумье провел языком под нижней губой, оттопырив ее, отошел в сторону и вдруг резво перемахнул через ограду, как будто хотел показать, как легко берется этот барьер. Илья последовал за ним; он перелез через ограду в том же месте, где и Шульгин, чтобы не уничтожить обнаруженные следы. И к надгробью они приблизились аккуратно, чтобы случайно не втоптать в землю свежий окурок или что-нибудь в этом роде.

А именно такой окурок и попался Илье. Тонкая сигарета «Парламент» со следами губной помады на белом фильтре. Снова женщина... Чуть в стороне он обнаружил еще один бычок, на этот раз «Мальборо» со светло-коричневым фильтром и без следов помады. Как и в первом случае, выкурена была эта сигарета совсем недавно...

А Илья заметил четкие следы от обуви, оставшиеся на сырой земле, выброшенной из могилы. Два крупных размера, с разными, но уже знакомыми протекторами. Уже по этим следам можно было делать вывод, что потерпевший и его убийца были здесь незадолго до трагической развязки. Надо было заливать эти следы гипсом, делать слепки, но у Шульгина ничего для этого не было. Поэтому он решил повернуть назад. Заглянул в яму под могильной плитой и осторожно перелез через забор. Илья Романов последовал за ним. Если следы оставил здесь убийца, то будет преступлением затоптать их. Пусть сначала эксперт здесь отработает, а затем они уже осмотрят подкоп.

– Может, это покойник вылез? – из-за ограды глядя на памятник, в шутку спросил Илья.

Но эта шутка имела под собой основание – подкоп глубокий, не очень широкий, но достаточный для того, чтобы в него пролез худощавый человек.

– Покойник, – кивнул Дима и внимательно, с предельно серьезным видом посмотрел на него. – А ты что, сомневаешься? Зря. Вчера двадцать третье марта было, в этот день в прокат вышел фильм «Ночь живых мертвецов». А почему он вышел в прокат именно в этот день?

– Шутишь? – недоуменно повел бровью Илья.

Над головой на ветру шелестела верба, молодые клейкие листочки шептались меж собой, будто соглашаясь с Шульгиным. Илья прекрасно понимал, что никаких живых мертвецов быть не могло, но все равно на душе вдруг стало неуютно.

– Нет, вчера ночь живых мертвецов была. Только кое-кто не успел вернуться обратно. Кое-кто, а точнее, Сокол Михаил Антонович... – прочитал на памятнике Шульгин. – Надо будет съездить по адресу, вдруг он сейчас дома.

– По какому адресу? – с приоткрытым ртом посмотрел на него Илья.

– Не знаю, где раньше жил этот Сокол, но ты же опер, это твоя работа – все узнавать. Узнаешь, где живет Сокол, приведешь его сюда...

– Дим, с тобой все в порядке?

В ответ Шульгин заливисто засмеялся. Одной рукой он держался за горло, будто для того, чтобы усилить вибрацию голосовых связок, а другой хлопнул Романова по плечу:

– Не веришь в сказки? Значит, совсем большой стал. Жениться уже можно. А мы тебе невесту найдем...

– Не знаю, как насчет невесты, но женщину «шершелить» надо.

– Что делать?

– Шерше ля фам, ищите женщину... Там возле трупа женщина была, в кровь наступила, здесь дамские сигареты курила... И я не думаю, что она из живых мертвецов.

– Ну да, мертвые не курят. И не потеют, – кивнул Шульгин. – И подкопы тоже не роют. Как думаешь, что это за подкоп?

– Может, там что-то прятали.

– Прятали под могильной плитой? Может быть.

– Возможно, прятали что-то очень ценное.

– Например?

– Ну, можно разложить пасьянс. Или погадать на кофейной гуще, – иронично проговорил Илья.

– Надо основываться на фактах. А их у нас нет. И пока неясно, как связан этот подкоп с убийством... Мы даже не знаем, кого убили...

Эксперты осмотрели труп, но никаких документов при нем не обнаружили. Только ключи от квартиры, сигареты «Золотая Ява», зажигалка, несколько сложенных вдвое тысячных купюр в заднем кармане джинсов, в кармане куртки – чек из магазина с указанным в нем набором продуктов. Впрочем, поводов для уныния нет.

– У него перстень на пальце выколот, – сказал Илья. – Наверняка зэковская наколка. Если сидел, значит, пальчики в картотеке есть...

– А что за перстень?

– Не знаю, я в этой графике не силен, – слегка сконфуженно пожал плечами Романов.

Он опер и должен разбираться в значениях лагерных татуировок, но как-то не получалось все запомнить. Кое-что он в этой символике знал, но разделенный по диагонали прямоугольник с овальными углами поставил его в тупик. Со светлой каймой прямоугольник и затушеванной чернилами половиной.

– Ничего, разберемся. И личность установим. И что эта личность делала – до этого тоже докопаемся, – приложив к подбородку согнутый указательный палец, медленно проговорил Шульгин.

– Кто-то уже докопался, – усмехнулся Илья, кивком показав на подкоп.

– А если нет? Если не успели докопаться?

– Или сундук очень тяжелый, да?

– Сундук?

– Ну да, с золотом...

– Если большой сундук, то его так просто не вытянуть...

– Ну, очень большой сундук через такой лаз не пройдет, а просто большой, возможно, пролез бы... А может, и не в сундуке дело. Может, кого-то закопать под могильной плитой хотели.

– Зачем?

– А зачем людей хоронят?

Илья не испугался своего предположения, и Шульгин в ужас не пришел: с нервами у них все в порядке, да и повидать пришлось многое на своем оперском веку. И все-таки стало немного не по себе. И сам Илья замолчал, и Дима напряженно смотрел на него, плотно сомкнув губы. Ветер носился над кладбищем, цепляясь за ветви деревьев, но в какой-то момент Романову показалось, что на него дует из подкопа, даже запах могильной сырости уловил.

– Думаешь, убийца труп спрятать собирался? – выдержав паузу, спросил Шульгин.

– Все может быть, – пожал плечами Илья. – Хотя вряд ли.

– Почему?

– У покойника кроссовки с протектором, этот протектор на выкопанной земле отпечатался. Значит, рыть начали, когда он еще живой был...

– Так, может, он сам и рыл. Ему сказали, он и рыл. Палачи так часто делают, чтобы самим не утруждаться, приставят ствол к голове, и жертва сама себе могилу роет...

– Зачем тогда под плитой рыть? Есть свежие могилы, там никаких плит нет, раз-два и готово...

– Логично... Значит, версия с захоронением отпадает. Но уши от этой могилы растут.

– И уши растут, – кивнул Романов. – И ветер дует.

– Лопихина сюда направить надо, пусть отпечатки следов снимет... И калитку надо бы открыть, не сигать же через забор...

Шульгин собирался идти за экспертом-криминалистом, но тот сам уже подходил к ним. Тридцать с небольшим лет мужчине, он среднего роста, плотный, с широкими плечами, но с такими же толстыми боками, кривоногий и косолапый. Круглое лицо, пушистые и приподнятые, как у филина, брови, ищущие глаза и восторженное выражение лица, как у человека, ожидающего чуда. Чемоданчик свой он держал под мышкой, обхватив его одной рукой и придерживая другой. Как оказалось, делал он это не зря.

Лопихин споткнулся о торчащую из земли трубу, но удержал равновесие, и чемоданчик не выскользнул из рук. Зато лицо приняло обиженное выражение, он стал похож на человека, обманувшегося в своих лучших ожиданиях.

– Что здесь у вас такое? – огорченно спросил он.

– Да вот, похоже, здесь наш покойник перед смертью ковырялся.

– В земле ковырялся? Да, да, земля у него под ногтями... А калитка почему закрыта?

– Нельзя открывать, – предостерегающе глянул на эксперта Шульгин.

– Почему?

– Нечистую силу можно выпустить. Видишь, подкоп, через него книгу мертвых вытащили. Мертвые уже по всему кладбищу разбежались, а нечистая сила за калиткой осталась. Наружу ей надо, а не получается, но если калитку открыть...

– Да ну тебя! – махнул рукой Лопихин.

Вид у него был как у человека, только что услышавшего новость о визите инопланетян в родной город. Вроде и знаешь, что это не может быть правдой, а так хочется верить...

– Если серьезно, то для начала здесь надо посмотреть.

Шульгин показал, где через забор перелезал предполагаемый преступник, а где они с Ильей брали препятствие. И о четком отпечатке на свежей земле сказал. Лопехин же передал ему найденные окурки, расфасованные по специальным прозрачным пакетикам.

– Когда следы снимешь, мы подойдем, надо будет в подкоп заглянуть, – сказал Шульгин, поворачиваясь к Лопехину спиной.

– Эй, вы куда? – разволновался вдруг эксперт.

Вторник сегодня, людей на кладбище нет, до места преступления, куда собирался Шульгин, метров сто, да и за могилами оно скрыто, не видно, кто там работает. В сущности, Лопехин оставался в одиночестве, и это его пугало. Книга мертвых, ожившие покойники, нечистая сила...

– Так со свидетелями работать надо, – усмехнулся Шульгин.

– Какие свидетели на кладбище, да еще ночью?

Свидетелем происшествия мог быть сторож, но с ним разговаривать бесполезно – он с бодуна. Ночью крепко спал – это единственное, что смог понять Илья в разговоре с ним.

– Ну, живых мертвецов мы в расчет брать не будем. Живых живцов искать надо...

– Их как минимум двое было, – сказал Илья. – У нашего покойника в кармане «Золотая Ява» была, а возле могилы окурки от «Мальборо» и «Парламента». И «Парламент» женщина курила...

– А от «Золотой Явы» окурки есть? – спросил криминалист.

– Может, и завалился где, – пожал плечами Романов. – Смотреть надо.

– А может, китайские курил, «Цюэи», – усмехнулся Шульгин. – Смотреть надо, искать...

И еще отпечатки с покойника срисовать следовало бы.

– Это само собой, – кивнул Лопехин.

– И чем быстрее, тем лучше. Я так понимаю, сидел наш покойничек, через дактилокотеху надо пробить...

– Я на пленку пальчики снял. Но если быстро нужно... Можно через дактилоскопический сканер снять, это быстро, но не очень надежно. Но давайте попробуем, – пожал плечами криминалист.

В этот момент в поле зрения Ильи попал начальник следственно-оперативной группы майор Сеницын. Он шел к ним семенящим шагом – то ли в раздумье приложив ладонь ко лбу, то ли в раздражении от слепящего солнца. Под ноги он не смотрел и потому споткнулся о выпирающую из надгробья трубу, но, в отличие от Лопехина, равновесие не удержал и смешно упал на четвереньки. Правда, никто не засмеялся. А Илья даже направился к нему, чтобы помочь подняться. Впрочем, Сеницын обошелся и без его помощи.

Следователь продолжил путь, а Романов подошел к трубе. Шульгин через нее перепрыгивал, Лопехин споткнулся, Сеницын упал. Может, и потерпевший зацепился за нее, когда убегал от преследователя. А может, и сам преступник растянулся на земле. Илья присел на корточки, осматривая пространство вокруг трубы. Старый, уже совсем без табака окурков, скручивающаяся пробка от водочной бутылки, кусок потемневшего от времени полиэтилена... И вдруг из высокой травы темно-красным огоньком сверкнула сигаретная пачка от «Мальборо». Глянец на ней чистый, незапыленный, дождевой водой не вспученный. И, возможно, на нем хорошо сохранились отпечатки пальцев.

Не так давно он смог найти киллера по рекламной листовке, на глянце которой остались отпечатки пальцев. Что, если сейчас у него в руках ключ к поиску убийцы?.. Надо ли говорить, что пачку эту он вынимал из травы с такой осторожностью, как будто в ней находилась бомба, которая могла в любой момент взорваться...

Глава 2

Убийство – это всегда серьезно, и совсем не важно, кто стал жертвой преступления, простой смертный или какая-нибудь чересчур важная персона. Но не смог вчера Степан Круча прибыть на место преступления, и дело вовсе не в том, что у него новая и более ответственная должность. И масса срочных дел – тоже не оправдание, хотя он почти весь день провел вчера на совещании в ГУВД.

А сегодня у него свое совещание, в кабинете начальника ОВД. Так вот прошла по нему реформа в системе внутренних дел – был первым замом в битовской милиции, а стал начальником городской полиции. И еще полковника присвоили. Чем больше звезд, тем серьезней обязанности, но работа по раскрытию убийств, как была, так и осталась для него первостепенной по своей важности. Потому и допрашивать своих сотрудников он будет с пристрастием. Сам он на кладбище не был, но ему нужно знать все подробности дела.

– Личность потерпевшего установили, – сказал Шульгин.

Выражение лица у него серьезное, но глаза улыбочивые. Нет, не весело ему, и не смешит его ничего, просто натура у него такая жизнерадостная, неунывающая.

– Сошников Егор Алексеевич, семьдесят пятого года рождения, привлекался к ответственности по статье сто пятой, в девяносто седьмом году Серпуховским городским судом был осужден на четырнадцать лет, срок отбывал в колонии строгого режима, освобожден в марте одиннадцатого года. Отсидел, что называется, от звонка до звонка. Всего два месяца на свободе...

– А родом откуда? – спросил Круча.

– Оттуда же, из Серпухова. В Серпухове прописан. Надо бы по адресу съездить, узнать, каким ветром его в наши края занесло.

– Да каким ветром к нам людей заносит. Может, работу искал. Может, дружки-приятели у него здесь.

– Дружки-приятели? В смысле, друзья по зоне? Это вряд ли.

– Почему?

– Ну, статья у Сошникова серьезная, убийство, но в колонии он зарекомендовал себя не очень.

– Ты уже информацию по колонии пробил? – одобрительно глянул на подчиненного Круча.

– Да нет, не успел. Информация у него на пальце выколота. Перстень татуированный. Такой перстень зонавские шестерки носят. А какие у шестерки друзья могут быть?

– Такие же, как и он сам, шестерки. Что, в зоне, по-твоему, мало шестерок?

– Да нет, их везде хватает. Просто не всякая шестерка позволит выколоть себе такой перстень. Это же само по себе унижение. А Сошников позволил, значит, он изгоем в зоне был...

– Это все предположения, а ты факты давай.

– Друзей искать надо, в этом вы правы, – в раздумье качнул головой Шульгин. – Может, он с этими друзьями позавчера ночью на кладбище и был? Один друг «Мальборо» курил. Илья сначала окурочек нашел, а потом и пачку от этих сигарет, – взглядом показал он на капитана Романова. – Пальчики там были, мы их сняли, только личность идентифицировать не смогли. Нет этих пальчиков в картотеке, значит, не сидел их обладатель, и если связан был с Сошниковым, то не зоной.

– А чем?

– Общими интересами на кладбище. Подкоп они под могильную плиту рыли. Малой саперной лопатой. Лопату в подкопе нашли, там она лежала... Там пустота под плитой была. Я так думаю, что это тайник был. А что в этом тайнике было – вопрос. Возможно, деньги, драго-

ценности, что-нибудь в этом роде. Сошников показал это место, вскрыл тайник, достал клад, а потом вдруг стал убегать. За ним погнались, его догнали, ну а там в ход пошел нож. Четкий удар, точный. Правда, Сошников умер не сразу. Но все-таки умер... Я так думаю, Сошников догадывался, какая участь ему грозит. Может, потому он и забросил саперную лопатку под землю, чтобы не попасть под нее...

– Но его убили ножом... – деловито добавил капитан Романов. – Я так думаю, убил его человек, который гнался за ним. Этот человек, когда бежал за Сошниковым, споткнулся о трубу, выронил пачку «Мальборо».

Круча с одобрением глянул на подчиненного. Мощный он парень, Илья, крупный, в рукопашной схватке с ним лучше не сходить, чтобы не опозориться. Дзюдоист, краповый берет, перспективный опер. Кстати, он не только мужиков на татами легко укладывает, под ним и женщины на обе лопатки ложатся. Симпатичный он – темные густые волосы, правильные и четкие черты лица, крепкий нос, волевой подбородок. Только вот глаза подвели – небольшие они, нет в них того глубинного свечения, которое нравится женщинам. Зато взгляд у него умный, пронизательный. Служба у Ильи нелегкая, но ему нравится, он живет работой, поэтому всегда о чем-то думает – всерьез, но с легкой иронией во взгляде. Хорошая у них с Шульгиным пара – ни тот никогда не унывает, ни другой.

– Искать он сигареты, разумеется, не стал, побежал дальше, – продолжал Романов. – В конце концов он догнал Сошникова и ударил его ножом в спину. Кровь с ножа он вытер о штанину Сошникова, есть следы на джинсах...

– Позаботился о чистоте своего ножа, – размышляя, проговорил Круча. – Значит, не колотило его от волнения.

– Не колотило, – кивнул Илья. – Он даже перекурить успел, пока Сошников умирал. – Мы бычок нашли, в нескольких метрах от трупa. Правда, там уже не «Мальборо», а тонкий «Парламент», но без следов женской помады. Экспертиза слюны еще не готова, но прикус на фильтре такой же, как на «Мальборо». Он фильтр клыком прикусывал. И еще на этой сигарете следы крови обнаружены. Еле заметный слой, на первый взгляд не заметишь, но все-таки он был. Нож убийца вытер, а на пальцах кровь осталась...

– Может, у него губа разбита была, – предположил Круча.

– Да нет, не на фильтре кровь была, а там, где пальцами за сигарету держатся. Он всего половину выкурил, потому и кровь осталась...

– И у могилы этот товарищ курил, – сказал Шульгин. – Шесть бычков от «Мальборо» только возле памятника нашли, еще за оградой столько же. В пачке, которая выпала, всего две сигареты оставалось...

– Волновался, значит, сильно, потому и курил.

– Волновался. И женщина волновалась. Четыре окурка, и все со следами розовой помады. Отпечатки обуви обнаружили. Тридцать восьмого размера. Возле могилы она была, и возле трупa тоже была, в кровь наступила, след на камне остался... Трое их у могилы было – Сошников, мужчина и женщина. Отпечатки Сошникова остались, женщина своими тонкими пальчиками к ограде прикасалась. И мужчина там же наследил, и на пачке с «Мальборо» его пальчики, и на ограде. Кстати, судя по всему, женщина стояла с другой стороны ограды, за нее не перелезала. Стояла, смотрела, как мужчины работают. Курила. Окурки перед собой бросала...

– Интересно то, что мы не нашли ни одного бычка от «Золотой Явы». И «Мальборо» Сошников не курил. Зато его убийца смолит безбожно. У Сошникова грязь под ногтями, на коленках земля. Он землю рыл, причем без перерыва... Заставляли его работать. Я так думаю, что заставляли. И били его, и курить не давали...

– Били?

– Да, следы побоев на лице и на теле... Работать Сошникова заставляли. И он работал. А его убийца стоял и наблюдал за ним. Ждал, когда он что-то выкопает. И дождался. А потом убил Сошникова... Правда, для этого ему побегать пришлось...

– Быстро бегал, если Сошникова догнал.

– Быстро, – кивнул Шульгин. – И еще Сошников на дерево налетел. А тут убийца с ножом... Сошников даже защищаться не стал, как стоял к нему спиной, так смерть и принял...

– Так, примерную картину мы уже имеем. Хотелось бы знать, что там, в могиле, было, из-за чего сыр-бор вышел. – Полковник Круча с глубокомысленным видом поскреб пальцами по голове Феликса Эдмундовича, чья статуэтка стояла у него на столе. Как будто у Дзержинского имелся ответ на этот вопрос, и его можно было вытянуть из бронзовой головы.

– Наверняка что-то ценное. Сошников знал о тайнике, он привел к нему человека, который, в конечном итоге, его и убил...

– А может, Сошников был всего лишь инструментом для выполнения работы? Его привели на кладбище, показали место, где копать, а когда он вскрыл тайник, его убили...

– Я думаю, о тайнике знал он, а не кто-то другой, – покачал головой Романов.

Он вынул из кармана флеш-капсулу и положил ее возле ноутбука, что стоял у полковника Кручи на столе.

– Что это?

– Фотографии из морга. У Сошникова татуировки были не только на пальце.

Круча вывел на экран изображение мертвого человека, выложенного на нержавеющей анатомический стол. Камера запечатлела покойника сверху, крупным планом выхватив лицо со следами физического насилия на нем – синяк под глазом, разбитая и потому припухшая губа.

– Так, вижу, что его били, – кивнул Круча.

Несимпатичное у мужчины лицо, черты лица крупные, размытые, нос картошкой, верхняя губа тонкая и одного цвета с посиневшей кожей – если бы не припухлость из-за удара, ее просто не было бы видно.

Покойник лежал на столе без одежды, и Круча смог рассмотреть синяк на животе в районе солнечного сплетения. Но внимание привлекали не только побои. На теле у потерпевшего хорошо просматривались татуировки не очень качественного, явно кустарного исполнения. На правой половине груди был выколот стол с длинными передними и короткими задними ножками, на нем, как на постаменте, стоял танк «Т-34» с приподнятой пушкой, на левой – целая картина. Могильный холм, с одной его стороны возвышался ангел с опущенными крыльями, с другой – крест, на поперечине которого стоял олимпийский Мишка с пятью кольцами на поясе; лапа у него была горизонтально вытянута, а на ней сидел сокол с расправленными крыльями.

– Что это за каламбур такой?

За всю свою службу полковнику Круче не приходилось видеть таких татуировок на эзовских телах. Ангелы с крыльями, кресты, могильные холмы – это сколько угодно. А танк «Т-34» и олимпийский Мишка с охотничьим соколом – как-то странно...

– Я тоже думал, что каламбур, – кивнул Романов. – А потом до меня стало доходить. Там, рядом с могилой, где подкоп был, ангел на постаменте стоял. Это уже своего рода ориентир. И Мишка с соколом – тоже ориентир. Мишка – это имя, а сокол – фамилия. Сокол Михаил Антонович. В могиле Сокола Михаила Антоновича и находился клад, и татуировка могла дать Сошникову подсказку, если бы он вдруг забыл, куда его спрятал. Он же к четырнадцати годам был приговорен, за это время много чего могло из памяти стереться...

– А танк «Т-34»? Какую он подсказку дает? Что к этому кладу на танке подъезжать надо?

– Не знаю, может быть...

– А почему танк на столе?

– Может, это настольная модель?.. – пожал плечами Романов. – Да нет, ерунда какая-то.

– Может, напоминание, что на таком танке далеко не уедешь? – предположил Шульгин.

Он стоял за спиной Кручи и дышал ему в плечо, разглядывая картинку на мониторе.

– Надо установить, когда наколки сделаны, до тюрьмы или уже там.

– Старые наколки, – сказал Романов. – Лет десять, как минимум. Может, их еще на свободе сделали, четырнадцать лет назад...

– А чем Сошников занимался четырнадцать лет назад?

– Будем выяснять.

– Выясняйте, ребята. В Серпухов поезжайте, дело его поднимайте, со следователем поговорите, родственников опросите. В общем, надо узнать про него все, – поставил задачу Круча. – С кем он был связан, к каким ценностям имел доступ. А может, в конфликте с кем-то состоял, может, компромат на кого-то прятал.

– А если он в колонии о кладе узнал? – спросил Шульгин. – Ну, или о компромате...

– Надо будет, съездишь в колонию.

– Это в Пермской области.

– Значит, слетаешь туда. Если будет нужно... Да, и еще один интересный вопрос. Когда убили Сошникова, в котором часу ночи?

– В районе двух часов.

– Значит, до рассвета еще было время. И лопата у преступников имелась. Они могли труп спрятать, но не сделали этого. Почему?

– Так это землю копать надо. Сошников уже не помощник, а самому копать неохота. Да и лопату Сошников спрятал...

– Ничего, нашли, если бы захотели... Копать неохота, – хмыкнул Круча. – А сидеть охота?.. Может, преступников кто-то испугнул?.. Со сторожем разговаривали?

– Разговаривали. Не видел он ничего. Перегарищем от него перло, я когда на свежий воздух вышел, ощущение было такое, как будто я сам грамм сто выпил, – усмехнулся Шульгин. – Спрашиваю, чего пьешь, а он улыбается. Как, говорит, не пить, когда покойники по ночам ходят.

– До чертиков напиваться не надо, – хмыкнул Круча. – Тогда и мертвецы мерещиться не будут...

– Так там позавчера ночью не только мертвецы были, там и Сошников на кладбище был, и те, кто его убил...

– И кто-то, возможно, их испугнул. И я не думаю, что это ходячие мертвецы.

– А вдруг?

– Ну, исключать ничего нельзя. – Круча очень серьезно посмотрел на любящего пошутить Шульгина: – Поэтому сегодня ночью пойдешь на городское кладбище и устроишь там засаду, а завтра утром доложишь мне обстановку. Вдруг действительно там покойники по ночам ходят? Вдруг они испугнули убийц?

– Э-э... А может, я лучше живыми займусь? – спросил Дима, за широкой улыбкой пытаясь скрыть растерянность. – Погода сейчас хорошая, тепло, сухо, возможно, там сатанисты какие-нибудь на кладбище развлекались. И они преступников испугнули.

– А что, ночью в засаду не хочешь? – уколол Шульгина Степан Степанович.

– Да что-то неохота, но если действительно надо... – Шульгин нарочно потянул паузу в ожидании «отбоя».

– А это тебе решать, надо или не надо. Делай, что хочешь, но результат мне дай. Вопросы?

Вопросов у Шульгина было много, и он, забрав с собой Романова, отправился искать на них ответы.

Глава 3

Если завис компьютер, можно перезагрузить его, а что делать в подобной ситуации с человеком, неизвестно. Илья помахал перед лицом мужчины рукой, но тот в чувство не пришел – стоял остолбенело, смотрел на гостей стеклянными глазами.

– Олег Алексеевич, может, водки? – спросил Шульгин.

Мужчина не сразу отреагировал на вопрос, прошло несколько секунд, прежде чем он глянул на Диму осмысленным взглядом:

– Водки?.. Пожалуй.

Он открыл холодильник, достал оттуда бутылку «Пшеничной», открутил пробку и прямо из горла, с гримасой отвращения, зажмурив глаза, сделал несколько глотков. С тем же выражением на лице постоял немного, удовлетворенно крикнул, сел на стул. И посмотрел на Романова.

– Отпустило?

– Немного... Я знал, что рано или поздно это случится.

– Вы знали, что вашего брата убьют?

– Не то чтобы знал... Он же четырнадцать лет сидел, на строгом режиме, а там все что угодно могло с ним произойти. Я мысленно даже смирился...

Олег Алексеевич внешне был похож на своего младшего брата, но более крупный, с пивным брюшком. Плешь в седых с рыжиной волосах, мешки под глазами, обвисшие щеки, двойной подбородок. Но несмотря на неприглядный внешний вид, он был опрятен – и выбрит гладко, и хорошим одеколоном от него пахнет. Квартира небольшая, в старом доме, но ремонт здесь недавний, мебель вполне приличная, чисто, уютно, занавески на окнах нарядные, цветы в горшках пышные, на кухне наваристым борщом вкусно пахнет. Он был в квартире один, но здесь явно чувствовалась женская рука. Да и кольцо обручальное имелось на безымянном пальце правой руки.

– Смирились с тем, что могли потерять брата? – Илья внимательно смотрел на хозяина дома.

Сошников действительно что-то предчувствовал, поэтому не стал держать оперативников на пороге; как только разговор зашел о его брате, он тут же впустил их в квартиру, провел на кухню, правда, борща не предложил.

– Если бы Егор был уголовником, которому в тюрьме все нипочем, я бы за него не переживал. А он для такой жизни не был приспособлен, – покачал головой Олег Алексеевич. – Характер у него не самый крепкий, драться не умел. Не скажу, что его любой мог обидеть, но в тюрьмах там такие звери, он перед ними такой беззащитный... Но выжил. Выжил он в тюрьме. Домой вернулся. Я его сюда, в родительскую квартиру, прописал, с работой хотел помочь, у нас на заводе рабочие руки нужны, Татьяна ему с паспортом помогла, а он как паспорт получил, так сразу и уехал. Сказал, что не хочет нас стеснять. Как будто я его гнал... Хотя, конечно, тесновато у нас, я, жена, сыну пятнадцать лет, дочь подрастает, а квартира двухкомнатная. Но я вам точно скажу, не гнали мы его отсюда. И даже остаться уговаривали... Ну, может, и не очень настойчиво уговаривали, – сказал Сошников, обращаясь к самому себе. – Но было, да, было...

– А куда Егор уехал?

– Сказал, что в Москву.

– К кому?

– Не сказал... Он вообще после тюрьмы очень изменился, молчаливым стал, замкнутым. Раньше без умолку болтал, а тюрьма надломила его. Все думал о чем-то себе на уме, мечтал...

– Мечтал?

– Сказал, что дом нам скоро купит. Большой дом, красивый, с вишневым садом... Мы, конечно, посмеялись...

- А почему посмеялись?
- Откуда у него деньги на дом?
- Откуда?
- Это вы у меня спрашиваете? – изумленно посмотрел на Илью Сошников. – Я откуда знаю, откуда у него деньги?
- А он не говорил?
- Нет.
- Может, он клад собирался найти?
- Клад?.. Да нет, не говорил он про клад... А что, был клад? – удивился мужчина.
- Не знаю, может, и был. Может, из-за этого клада его и убили.
- Не знаю, он ничего про клад не говорил...
- И куда в Москву он поехал, тоже не сказал?
- Нет.
- Давно он уехал?
- В апреле. В начале апреля. Пару недель у нас пожил и уехал. А куда, не сказал.
- Телефон у него был? – спросил Шульгин.
- Мобильный? Да, был. Я ему свой старый мобильник отдал.
- Номер не подскажете?

Сошников с угодливым видом кивнул, вышел из кухни, вернулся с мобильным телефоном, нашел в памяти номер своего брата, продиктовал. Шульгин забил номер в свой телефон, позвонил.

Не было при покойном Егоре Сошникове сотового телефона, возможно, его забрал преступник вместе с документами. Если так, то вряд ли убийца будет держать телефон при себе. Ну а вдруг он все-таки ответит на звонок.

Но нет, телефон абонента был отключен. Скорее всего, выбросили его... Но вдруг мобильник лежит сейчас где-нибудь поблизости от преступника? Шульгин не стал исключать такой вариант, позвонил майору Кулику, у которого была возможность определить место нахождения телефона. Заодно и отчитался, что вместе с капитаном Романовым успешно прибыл в Серпухов и уже начал работу. Тем временем Сошников достал из кухонного шкафа рюмки, из холодильника – початую бутылку водки.

– Я, вообще-то, пью редко, но сегодня такой случай, – хлюпнул он носом. И рукой провел по заслезившимся глазам. – Помянуть брата надо...

– Илья за рулем, а мне можно, – кивнул Шульгин.

– Как же так, четырнадцать лет отсидел, и ничего, а тут на тебе... – всхлипнул Сошников.

Он молча махнул стопку, занюхал кулаком, а потом полез в посудный шкаф, достал три тарелки, поварешку, открыл крышку кастрюли, откуда пахло мясным и капустным ароматом.

– Как будто знала Татьяна, что помянуть надо, борща наварила, – тяжело, с надрывом вздохнул он и кулаком стал растирать правый глаз.

– Насколько нам известно, ваш брат был осужден за убийство, – выждав момент, уже за тарелкой борща сказал Романов.

– Да, за убийство... Только он никого не убивал...

Шульгин многозначительно посмотрел на Илью. Дескать, иного он и не ожидал. Действительно, людей послушать, так в тюрьмах сплошь невинные овцы сидят...

– Но его же осудили.

– Осудили. За убийство. В компании он был, с водкой не рассчитал, утром очнулся, а руки в крови. И труп в доме. Компания большая была, а в квартире только он остался. И труп Игната Борисова. Егор вымыл руки, вышел из квартиры, а навстречу соседка, смотрит, а у него кровь на рубашке... Он тогда уехал, милиция его искала, меня пытали, где, что. А через месяц

Егор вернулся. Он в Крым ехать собирался, с матерью хотел попрощаться. Она тогда, Царствие ей Небесное, – Сошников осенил себя неловким, широким знамением, – жива еще была. Ну, и со мной попрощаться хотел. И попрощался. А из города выехать не успел, его прямо на вокзале и взяли... Он пытался объяснить, что не убивал никого, но ему никто не верил... Там ведь и топор нашли, а на нем отпечатки его пальцев...

– Топор?

– Да, маленький такой топор, для разделки мяса. Им хозяина квартиры убили. Вернее, не хозяина, а его сына, ну да это не важно. Главное, что убили... Но это не Егор его убил, кто-то другой, там еще двое было, кроме него. Кто-то из них двоих с хозяином квартиры поссорился, убил его, а Егора подставили. Потому что Егор пить не умеет. Как напьется, сначала дурной становится, а потом вырубает его...

– Так, может, и убил по дурацости. А потом его и вырубало.

– Да нет, не мог он убить... Не мог он человека убить...

– По трезвой лавочке не мог, а по пьяному делу всякое бывает, – не унимался Шульгин.

– Да нет, дело даже не в том, что мог он убить или нет. Просто Егор всегда крайним оставался. Где-то кто-то в школе нахимичил, а он крайним остался, его и шпыняют. Он в армии медбратом в санчасти работал, а начальник медслужбы проворовался, а счет ему предъявили, он бы столько за всю свою жизнь не заработал, столько ему назначили. Мы с матерью к нему в Смоленск ездили, к военному прокурору ходили, он обещал разобраться. Вроде бы разобрались, выплату отменили, так Егора из санчасти потом выперли, в роту отправили, а там его до конца службы гнобили. Он дембелем уже был, так его молодые как последнего шпыняли. Сам командир объявил на него травлю. Он потом после службы два года в себя приходил...

– В каком году он вернулся из армии?

– В девяносто пятом.

– А в девяносто седьмом его посадили?

– Да, в девяносто седьмом... Работал себе спокойно, зубным техником в городской стоматологии, жениться собирался, а тут все кувырком, – уложив голову на ладонь согнутой в запястье руки, тяжело вздохнул мужчина.

– С нехорошей компанией связался?

– Да нет, одноклассников встретил, они его к другу позвали, он пошел. Он же с ними раньше особо не дружил, в стороне от них держался... Не стали бы они его так просто приглашать. А пригласили. Зачем, спрашивается?

– Зачем?

– А затем, чтобы подставить. Они убивать шли, а Егора в качестве козла отпущения с собой взяли...

– Серьезное заявление.

– Вы не верите мне? – Сошников уныло глянул на Шульгина.

– А какое это уже имеет значение?

– Да, жизнь назад не отмотаешь, в этом вы правы. Но за брата обидно... Я-то знаю, что не убивал он Борисова. Даже уверен в этом. И знаете почему? Где сейчас те ребята, которые Егора подставили? Один в тюрьме, другой спился, бомжует где-то по помойкам. А в тюрьму за что сел? Да человека по пьяной лавочке зашиб. Нет, не насмерть, но инвалидом сделал. На пять лет его отправили...

– Еще не вышел?

– Нет, сидит. Чтобы он там, паскуда, и остался... Вот я говорил, что Егор невезучий, а ведь еще один пример есть. Он же все четырнадцать лет отсидел, а ведь мог условно-досрочно выйти. Так нет, там в колонии кто-то кого-то зарезал, а Егора крайним сделали. Нет, срок ему не прибавили, но условно-досрочное освобождение накрылось медным тазом.

– Бывает, – с важным видом кивнул Шульгин. – Значит, вашего брата обвинили в убийстве, он сбежал от милиции, а потом вернулся.

– Ну, можно сказать, что вернулся. Мать проведать хотел. Она тогда болела. Ну, и попроситься. Как будто чувствовал, что скоро ее не станет.

– В Крым собирался?

– Да, в Крым. Он-то думал, что это за граница, что там его искать не будут. У нас тогда холодно было, дождь, осень, а в Крыму тепло...

– А деньги у него для путешествия были?

Сошников думал недолго:

– Да, были. Доллары. У него много долларов изъяли, что-то около двадцати тысяч. Правда, в милиции потом нам объяснили, что деньги были фальшивые, поэтому возвращать не стали...

– Точно фальшивые? – спросил Шульгин, глянув на Илью с насмешливым сомнением.

– Ну, нам так сказали... А откуда у Егора могли быть настоящие доллары?

– А раньше таких денег у него не было?

– Ну что вы! Откуда?

– А где он мог их взять? Может, квартиру Борисова ограбил?

– Да нет, не было у Борисовых никакой пропажи, не заявлял никто... Нам деньги должны были отдать, но не отдали...

– Понятно. А куда Егор уезжал?

– В Москве он был.

– Где в Москве? Столица большая.

– Не знаю.

– Может, Егор про Битово что-то говорил?

– Да нет, не говорил...

– Возможно, когда из тюрьмы вернулся, говорил?

– Да нет, не говорил... Ничего не говорил... Сказал только, что дом нам купит...

– Вам купит? А себе?

– Про себя ничего не упоминал...

– Он сам в Москву после тюрьмы уехал? Может, девушку с собой брал?

– Не было у него девушки.

– А из Москвы он вам звонил?

– Звонил... Да, звонил! – восторженно воскликнул Сошников. – Две недели назад. Он как устроился, сразу позвонил, сообщил, что у него все в порядке. А недели две назад позвонил, обычно он угрюмый такой, а тут голос веселый. И женский смех слышался. Девчонка какая-то рядом с ним хохотала. Такое ощущение, что она домогалась его, ну, в шутку, специально мешала ему со мной говорить. Он ее также в шутку отгонял...

– По имени не называл?

– Да, кажется, называл... Аня... Нет, Яна...

Кто-то в суетливом раздумье чешет затылок, кто-то прикладывает палец к наморщенному лбу, а Сошников приложил к носу кулак, с шумом вдвывая в него из ноздрей воздух. А на пальце у него капустная ленточка из борща, смешно так от дуновения развивается.

– Нет, и не Аня, и не Яна... Ася. Точно, Ася!.. Он ее гонит, а она хохочет... Веселый такой смех...

– Еще что вы слышали? Может, он все-таки говорил, где находится?

– Да нет, не говорил. Сказал, что квартиру снял, а где, не сказал...

– И как с Асей познакомился, тоже не упоминал?

– Нет, не упоминал...

– Вы говорили, что с паспортом ему помогли.

- Да, у Татьяны знакомая в паспортном столе...
- Я так понимаю, Егор для паспорта фотографировался.
- Да, конечно. У нас осталось несколько штук... Нужно?

Шульгин кивнул, на этом разговор и закончился. С небрежной вежливостью он попросил у Сошникова разрешение на то, чтобы в случае надобности позвонить ему в неурочное время: мало ли какие вопросы возникнут. Илья поблагодарил хозяина дома за угощение и вышел из квартиры вслед за своим напарником.

- Ну и что скажешь? – спросил Илья, усаживаясь в машину.

Солнце уже клонилось к закату и едва выглядывало из-за высотного дома, заливая крышу своим свечением, похожим на нимб над головой святого. Воздух легкий, как будто разреженный, потому чей-то веселый детский смех звучал особенно звонко. Хорошая погода, и обстановка во дворе приятная, безмятежная, но нужно садиться в машину, ехать в Москву по забитой автомобилями дороге. Впрочем, Илья не унывал: и машина у него хорошая, и с Шульгиным не соскучишься.

- Ну что скажешь, капитан? – спросил Дима, захлопывая за собой дверцу.
- Да то и скажу, что не густо наловили...
- Не густо, но и не пусто.
- Двадцать тысяч фальшивых долларов, – усмехнулся Илья. – Может, к местным съездим, спросим, что там за доллары такие фальшивые?
- Забудь. Сколько лет прошло, никто ничего не вспомнит.
- Фальшивые доллары... Можно подумать, фальшивые баксы на дороге валяются... Развели Сошниковых как лохов.
- Может быть, карма у них в семье такая? Вон Егору вечно не везло...
- Да, но из тюрьмы живым вышел.
- Значит, хотел выйти, чтобы до своих долларов добраться... Двадцать тысяч он с собой в Крым взял, остальные на битовском кладбище спрятал.
- Я так понял, двадцать тысяч у него еще до тюрьмы появились. Вопрос: до убийства или нет? – раздумывая, спросил Илья.
- А если после? Если он все-таки выставил квартиру. Сначала хозяйского сына убил, а потом квартиру ограбил.
- Так не заявлял же хозяин.
- Может, у него грязные деньги были, и он побоялся заявить?
- Значит, к хозяину этой квартиры ехать надо, у него узнавать.

Глядя на то, с каким видом Шульгин доставал из кармана телефон, Илья понял, что в Москву они поедут нескоро.

Глава 4

Серьезное у Егора Сошникова лицо, а глаза улыбаются, как у человека, который увидел свет в конце тоннеля. Четырнадцать лет он за решеткой провел, тридцать шесть лет ему – все страшное позади, а впереди новая жизнь. Возможно, он потому пресмыкался в неволе перед сильными того мира, чтобы выжить, чтобы вернуться домой к своим деньгам, которых могло хватить на большой красивый дом для семьи брата. Да и о себе он вряд ли забыл... Сошников только собирался ехать за деньгами, фотографируясь на паспорт, потому будто светился от счастья изнутри. Не знал он тогда, что его тоннель закончится тупиком, причем очень скоро.

Зато темноволосая девушка с красивым, но прыщавым лицом не знала, что произошло с Егором, поэтому ее взгляд не омрачала печаль.

– Да, видела этого мужчину, видела, – кивнула она, глядя на предъявленную фотографию. И, не поднимая головы, со стеснительной улыбкой бросила взгляд на Илью.

– Когда вы его видели?

– Ну, на днях...

Вчера они с Шульгиным вернулись в Москву поздно. Пока дождались мать Игната Борисова, пока допросили ее. Только в одиннадцатом часу вечера и отправились в обратный путь, длиной в сто с гаком километров. Спать Илья лег в час ночи, в шесть был уже на ногах, но ничего, спички в глаза вставлять не пришлось, работа пошла дальше и без того.

А разговор с Анной Петровной Борисовой ничего не дал. Что раньше они жили бедно, что сейчас – больших денег в доме отродясь не водилось. Муж работал учителем, она – библиотекарем, сын вообще ничем не занимался, разве что водку пил и по бабам шлялся... Нет, не мог Егор Сошников разжиться деньгами у этой семьи.

– И часто этот мужчина бывал у вас в магазине?

– Да, иногда появлялся, – кивнула девушка.

В этот универсам на окраине Битово Илью привел чек, найденный в кармане у потерпевшего. В наборе продуктов значились две бутылки коньяка, сигареты «Парламент» и «Золотая Ява». Пельмени, сосиски, сервелат, масло и прочая снедь Илью заинтересовали только с точки зрения покупательной способности потерпевшего. Были у Сошникова деньги на дорогие продукты. Да и коньяк он покупал не из дешевых. А коньяк он брал, чтобы выпивать, возможно, с той самой Асей, которая своим веселым смехом мешала разговаривать ему с братом. И еще Илья обратил внимание на сигареты «Парламент»: их ведь курила женщина, которая была вместе с Сошниковым на кладбище. Что, если то и была неизвестная Ася...

– Он один был или с кем-то?

– Один... Кажется, один... – слегка наморщила лоб девушка. – Да, наверное, один...

– Может, все-таки с кем-то? С женщиной, например.

– С женщиной?.. Ну, может быть, – вытянув трубочкой губы, она скривила их на сторону. – Я же на кассе сижу, я не вижу, кто с кем...

– Но его же запомнили?

– Запомнила... Нет, он без женщины был, – смущенно и вместе с тем торжествующе улыбнулась девушка, глядя Илье на подбородок. – Он бы на меня так не смотрел...

– А как он на вас смотрел?

– Ну, я ему понравилась. Во все глаза смотрел, вот как...

– Не удивительно, вы... э-э...

– Марина.

– Вы, Марина, девушка красивая, мужчины просто обязаны на вас заглядываться. А если не заглядываются, то они вовсе и не мужчины, – белозубо улыбнулся Романов. – Значит, заглядывался на вас Егор...

– А его Егором зовут? – Марина приложила к щекам ладошки, как будто для того, чтобы скрыть проступивший розовый румянец.

– Звали. Нет его больше... Вы же должны понимать, что я интересуюсь этим человеком не просто так. Убили его.

– Понимаю... Какая жалость!

– Да, Марина, жаль, что теперь он не будет на вас заглядываться.

– Дело не в том. Мне все равно, будут на меня заглядываться или нет, просто человека жалко...

– Значит, глазки он вам, Марина, строил. А может, он еще и заговаривал с вами?

– Нет, не было ничего такого... Ну, он сказал, что руки у меня красивые...

– Он вам не льстил, Марина, – сказал Илья и провел пальцем над своей верхней губой, будто закручивал гусарский ус. – Так оно и есть.

Руки у девушки действительно красивые, изящная кисть с длинными пальцами, будто выточенная из слоновой кости талантливым мастером, кожа нежная, прозрачная, хотя кровеносные сосуды под ней угадываются едва-едва...

– Ну, ничего особенного, – потупилась Марина.

Она сделала движение, будто намывливая руки, убрала из виду ладони, а затем уложила одну на панель кассового стола, за которым сидела. В универсаме шла торговля, но Илья уже отгородился от покупателей тележкой, чтобы никто не мешал их разговору.

– Может, он еще что-то говорил? – продолжал он гнуть свою линию.

– Да нет, ничего...

Марина выразительно посмотрела на него, сожалея о том, что ничем не может ему помочь.

– Может, вы вспомните, в какую сторону он уходил из магазина?

– Куда уходил?... Через дорогу пошел...

Витринные окна в универсаме прозрачные, и в проход между двумя домами Марина показала, не поднимаясь со своего места. Один высотный крупнопанельный дом, а другой – пятиэтажка хрущевской эпохи. Егор Сошников переходил через улицу и дальше шел по дороге, разделяющей эти два дома.

– Возможно, он в какой-то из этих домов заходил?

– Не знаю, – пожала плечами девушка. – Может быть, и заходил, но я не видела.

Из окон универсама просматривались только два подъезда высотного дома, а пятиэтажка развернута была к улице тыльной стороной. Да и за этими домами наверняка есть и другие подобного рода строения.

– Спасибо и на этом! – Романов попрощался с кассиршей и направился к высотному дому, возле которого вскапывал землю таджик.

Худощавый паренек в старенькой джинсовой курточке не зря ел свой хлеб – движения у него быстрые, энергичные, но вместе с тем экономные, чтобы зря не растрчивать энергию.

К нему Илья и обратился, показав фотографию Сошникова:

– Видел такого, земляк?

Таджику хватило быстрого взгляда, чтобы узнать Егора:

– Видел.

– В каком доме он живет?

– Не знаю, он мимо проходил, туда, дальше шел...

Оказалось, что Сошников сворачивал за многоэтажку, где находился такой же высотный дом.

– Если хотите, я у Сайдуллы спрошу. Может, он знает?

Таджик говорил по-русски с акцентом, но бойко и вполне понятно, зато его друг Сайдулла по этой части ни бэ, ни мэ. Этот подметал пяточок перед подъездом, причем делал это с

лендой. Взгляд у него туманный, бессмысленный, и где-то в глубине теплилась восточная хитрость. На фотографию Сошникова он смотрел, как баран на новые ворота, долго и тупо, наконец, кивнул и сказал что-то на своем родном языке.

– Сайдулла видел этого человека, – перевел дворник.

Более того, Илья смог узнать подъезд, в который заходил Сошников.

А в подъезде Романов ждал подарок в виде расплывшейся женщины со студенистым тройным подбородком и выпученными крабьими глазками. Высокая прическа из седых волос, на переносице родинка величиной с вишенку, одна губа почему-то поджата под другую. Она и сама похожа была на краба, высматривающего жертву из-под брони своего панциря. Комнатка консьержки была ее крепостью, и оттуда она зорко следила за проходящими мимо людьми.

Вслед за случайным попутчиком из жильцов дома Илья прошел через главную дверь и оказался в маленьком тамбуре, который просматривался из консьержной через одно из двух окон. Женщина со студенистым подбородком, глянув на незнакомца, подобралась на стуле, будто краб, привставший на лапки. «На плечах» попутчика Илья прошел через вторую дверь и нос к носу столкнулся с консьержкой, которая уже покинула свою каморку, чтобы перекрыть ему путь. Быстро это у нее получилось, видно, что женщина всерьез относилась к своей работе. А тело у нее тяжелое, ноги толстые, слоновьи, наверняка больные.

– Здравствуйте, капитан Романов, уголовный розыск.

Он махнул своими корочками, не раскрывая их, и женщина успокоилась, сдала назад.

– Для начала один вопрос, – бодро начал Илья. – Вы видели этого человека?

Положительный ответ открыл простор для новых вопросов. Где жил Сошников? С кем проводил время? И так далее...

– В какой квартире он жил?

– Ну, он у нас недавно, но у меня все записано! – обрадовалась собственной предусмотрительности женщина.

И зашла в свою каморку, увлекая за собой Илью. Села на стул, который страдальчески простонал под тяжестью ее тела, открыла канцелярскую тетрадь с картонной обложкой:

– Так, фамилия Сошников, зовут Егор, квартира десятая. Сдает ее... так, вот. Касатонова Ирина Юрьевна сдает квартиру...

– А вас как зовут?

– Лилия Матвеевна меня зовут, а что?

– А то, что хотел бы я взять вас к себе на службу. С такими ценными работниками не пропадешь, – широко улыбнулся Илья. Все-таки добрался он до гнезда, который свил себе в Битово Егор; это не могло не радовать. – Значит, в десятой квартире Сошников жил.

– В десятой, на третьем этаже, – польщенная похвалой, охотно подхватила женщина. – Там двухкомнатная квартира, очень хорошая....

– Скажите, а Сошников сам в ней жил?

– Сначала сам, а потом с женщиной жить стал...

– Молодая женщина или не очень?

– Ну, не старая... Не молодая, но еще и не совсем изношенная...

– Не совсем? – сдержанно улыбнулся Илья.

– Не совсем, есть еще запас прочности, – совершенно серьезно проговорила Лилия Матвеевна. – Лет на десять еще хватит, а там уже старость.

В ее голосе не было злорадства, но и сочувствия Романов тоже не уловил.

– Да, старость, не радость... А сейчас ей сколько лет?

– Тридцать пять, где-то так...

– А как она выглядит?

Лилия Матвеевна думала недолго:

– Симпатичная. Знаете, черты лица нечеткие, носик пуговкой, ротик маленький, глазки – ничего особенного, а симпатичная, – бойко проговорила женщина. – Я бы даже сказала, интересная. Не сказать, что худая, но и не толстая, сбита такая. Бедра широкие, но это ее не портит, потому что талия, – с нескрываемой завистью вздохнула женщина.

– А зовут ее как?

– Ася.

– А фамилию случайно не знаете? – с замиранием сердца спросил Илья.

Вдруг бдительная консьержка записала в свою тетрадь не только фамилию Аси, но и место ее прописки.

– Да какой там! – расстроено ответила женщина.

– А что так?

– Да я спросила паспорт, а она как понесла на меня! Вы что, говорит, из милиции? Почему я должна паспорт показывать?.. Знаете, я такая, если со мной по-хамски, то я так завестись могу, что мало не покажется! – разволновалась Лилия Матвеевна – А эта не кричала, не хамила! Вежливо так, спокойно! Почему? Зачем? Я, заявляет, юрист по образованию и очень хорошо знаю свои права... Я говорю, что могу и не пустить ее, так она сказала, что это не общежитие, и если мужчина снимает здесь квартиру, он имеет полное право приводить к себе женщин без всяких объяснений... Нет, если со мной по-хамски, то и я такая, а эта правильная вся такая, говорит строго, а глаза веселые. И голос приятный. Убаюкивающий такой...

– Значит, паспорт она вам свой не показала?

– Нет.

– И фамилию свою не назвала?

– Нет.

– Сказала, что юристом работает...

– Нет, сказала, что юрист по образованию, а где работает, не назвала.

– Значит, Сошников сначала эту Асю водил к себе домой, а потом она у него поселилась, правильно я вас понял, Лилия Матвеевна?

– Да, правильно.

– А как вы узнали, что ее зовут Ася?

– Сошников этот ее по имени называл...

– И давно Сошников здесь у вас квартиру снял?

– Нет, не очень давно, месяц назад примерно.

– А когда он Асю стал приводить?

– Почти сразу. Раз ее привел, другой, а потом она жить с ним стала. Сама приходила, сама уходила.

– А куда уходила?

– На работу, наверное... Сначала пешком, к остановке шла, а потом у нее машина появилась.

– Машина?

– Да, небольшая такая машина, на таких женщинах обычно ездят. Красного цвета, красивая.

– А номер машины вы случайно не записали?

– Да нет, она сначала без номеров стояла, а потом Ася с номерами приехала. Номера я видела, но не запомнила. Потом, думаю, надо бы записать. – Лилия Матвеевна нервно забарабанила пальцами по столешнице, накрытой клетчатой клеенкой. – Она же мне фамилию не сказала, думаю, хоть номера запишу. Хотела записать, но не успела. Пропала куда-то Ася. И он пропал, и она... А почему вы про них спрашиваете? – спохватилась женщина. – Случилось что?

– Случилось. Убили вашего жильца. И, возможно, к его убийству причастна его сожительница.

- Как же так! – всплеснула руками консьержка.
 - Да вот так... Скажите, Сошников только с Асей своей жил? Или еще кто-то был?
 - Нет, не было никого больше... Я бы знала...
 - Может, кто-то приходил к ним?
 - Не знаю, не видела. А вы у Веры Ильиничны спросите, она по соседству живет, может быть, она вам что-нибудь скажет?
 - Мне бы еще и квартиру посмотреть, где Сошников жил.
- Потерпевший был без документов, зато имел при себе ключи от квартиры. Надо было звонить Шульгину, чтобы он подъехал к дому вместе с ключами. И еще неплохо было бы постановление на обыск организовать.

Глава 5

Початая бутылка коньяка на столе – без пробки, которую обычно вставляют в горлышко, чтобы спирт не испарился. Нет, пробка рядом лежит, значит, Сошников уходил ненадолго. Сервелат нарезанный на столе – кружочки подсохшие, заветренные, та же ситуация и с кусочками сыра. Три тарелки – две с объедками, а одна совершенно чистая – возможно, ее поставили перед гостем, который пришел ненадолго и вовсе не для того, чтобы составить компанию за столом. Окно выходило на южную сторону, поэтому солнце хорошо прогревало кухню, и немудрено, что брошенные на столе продукты пропали, стали дурно пахнуть. Впрочем, уж лучше такой запах терпеть, чем задыхаться от смрада разлагающегося трупа. А обстановка в единственной комнате такая, что Илья не удивился бы, если обнаружил там покойника.

Диван разобран, но постель сорвана, сброшена на пол, кресло перевернуто, торшер также в горизонтальном положении, осколки лампочки мелким бисером рассыпаны по полу, телевизор на тумбочке стоит непрочной, одним боком свисая над пропастью – видно, его толкнули, причем рукой, испачканной кровью. Темно-красные капли растянулись по серому паласу ходовыми кружками для фишек из настольной игры.

– Да здесь драка была, – сказал Шульгин. – Нос кому-то разбили.

– Вопрос, кто и кому? – спросил у самого себя Илья.

– А кому губу разбили? Фингал кому поставили?.. Сошникова здесь обижали.

– Не думаю, что это была Ася, – сказал Романов, поднимая с пола черный бюстгальтер.

Видно, его перебросили через подлокотник кресла, после чего он упал – то ли сам по себе сполз, то ли его скинули.

Илья усмехнулся себе под нос, рассматривая лифчик, и это не укрылось от внимания Шульгина:

– Ты чего?

– Да вспомнил, как в армии берцы метили, я фамилию свою написал. С девчонкой одной с голодухи познакомился, ну, то, се. А она страшная, ей замуж охота. Она разговор про замужество завела, я сбежал, так она на следующий день ко мне в часть заявила, здесь, говорит, мой жених служит, сержант Романов. А как она фамилию мою узнала? А на берцах моя фамилия была...

– Смешно. А бюстгальтер здесь при чем?

– А при том, что Ася его не пометила. Потому что не принято на лифчиках фамилию писать. А жаль.

– Зато размер груди можно вычислить. Какой там размер?

– Третий примерно...

– Тоже ничего... Что еще из ее вещей здесь имеется? – глядя на открытую створку шкафа, спросил Шульгин.

А вещи здесь были – на трюмо помадный тюбик, пудра, флакон с духами, дезодорант, расческа, в прихожей тапочки, в шкафу спортивный костюм, кофточка, платье, кое-что из женского белья... Видно, что женщина перебралась сюда ненадолго, не насовсем. Возможно, здесь, в Битово, у нее была своя квартира, где она хранила большую часть вещей.

Илья открыл дверь, вышел в межквартирный коридор и нажал на клавишу соседнего звонка. Ждать пришлось недолго. Дверь открыла средних лет женщина с треугольным лицом и пышной курчавой шевелюрой. Волосы эти белые, как седина, пушистые, воздушные, поэтому казалось, что на голове у этой женщины вырос одуванчик. Илья вдруг поймал себя на мысли, что хочет дунуть на прическу, чтобы она разлетелась на бесконечное множество маленьких парашютиков.

– Здравствуйте! Вера Ильинична?

– Да, а что? – Женщина нахмурила такие же белесые, но совсем не пушистые брови. Глазки ее и без того косили, но чем строже становился ее взгляд, тем ближе сходились зрачки.

– Я из полиции, по поводу вашего соседа из десятой квартиры. Дело в том, что он погиб, мы ведем расследование.

– Где погиб? В квартире?

Судя по ее виду, расстроилась женщина не очень. Но взгляд поплыл, зрачки стали расходиться в стороны.

– Нет, не в квартире.

– Когда, в понедельник?

– Почему в понедельник?

– Да потому что шумели сильно в понедельник. – Вера Ильинична показала на дверь соседней квартиры, при этом один глаз остался на месте, другой – скопился в сторону.

– В десятой квартире шумели?

– Да, в ней. Тихо было, а как только я легла спать, как начали шуметь! – эмоционально взмахнула рукой женщина.

– Как начали шуметь?

– Громко.

– Может, били кого-то?

– Мне кажется, что да. Падало что-то, крики слышались... Я даже милицию вызвать хотела.

– Почему не вызвали?

– Так успокоилось все. Тихо стало, и я заснула. А потом снова проснулась, потому что снова шуметь стали. Но не в квартире, а в коридоре. Давай, говорит, иди, козел!

– Кто говорит?

– Мужской голос.

– Ваш сосед это сказал?

– Да нет, его голос я слышала. Мы здоровались с ним, он вежливый такой, голос у него не грубый. А это как будто тромбон прогудел...

– Так и сказал: «Иди, козел»?

– Не сказал, а крикнул. Дверь хлопнула, и все стихло...

– А кто крикнул, не видели?

– Нет, не видела. Я когда к двери подошла, тихо уже все было.

– А сосед ваш с кем жил?

– С женщиной.

– Как зовут ее, не знаете?

– Нет, мы не знакомились. Так, поздоровались. Я улыбнулась, она глазки отвела.

Вера Ильинична сжала губы, чтобы сдержать смешок.

– А что ее смутило, если она глазки отвела?

– Ну, как вам сказать. Стены у нас не так чтобы уж очень тонкие, если нормально разговаривать, то не слышно, а если женщина кричать начинает...

– А она кричала?

– Да, было несколько раз.

– Ее что, били?

– Молодой человек, у вас что, женщин никогда не было? – преодолевая смущение, приснула Вера Ильинична. – Не знаете, отчего женщины кричать могут?

Илья почувствовал тепло в щеках. Вряд ли он покраснел, но кровь к лицу все-таки прилила.

– Не скажу, что это каждый день было. Не скажу, что подолгу. Но ведь было. И она догадывалась, что я могла слышать. Поэтому глазки-то и отвела. А вдруг я ее на всю контору ослаблю!

– На какую контору? – пристально посмотрел на женщину Илья.

– Ну, не на контору. Она в агентстве недвижимости работает. Я дом дачный через него продавала, со мной женщина работала, и эта с ней дружила. Хотя, возможно, и не дружила, но в кабинете у нее не бывала.

– Название агентства? Адрес?

– Не помню название. Здесь недалеко, на Вавилова.

– А с кем она дружила? Как зовут эту женщину?

– Ольга ее зовут. Ольга Ефимовна. Фамилия... Фамилия... Где-то у меня записана, сейчас посмотрю...

У Ильи было еще много вопросов к Вере Ильиничне, но он задавать их не стал. Некогда. Надо было срочно ехать на улицу Вавилова. Шульгин, разумеется, отправился с ним.

Агентство недвижимости с незамысловатым названием «Гарант» размещалось в пристройке к жилому многоквартирному дому. Мрачный холл с истертой кафельной плиткой на полу, запыленные окна, кабинеты за старыми лакированными дверьми. Никаких признаков охраны, да и деревянные кресла с откидными сиденьями все пустые, видно, не очень-то идут сюда клиенты.

Шульгин решил не размениваться на рядовых сотрудников агентства и открыл дверь в кабинет директора. Круглолицый мужчина с улыбкой прохиндея и масляными глазками что-то шептал на ушко миловидной женщине в брючном костюме, который обычно носят скучные незамужние учительницы. Он держал ее за талию, ей это не нравилось, и она отворачивала голову, подставляя тем самым ухо под всякого рода сальные словечки.

– Я не понял! – возмущенно воскликнул мужчина, вытаращив на Шульгина хомячьи глазки. – Почему без стука?

– Я от Абрамовича, – сухо и хлестко сказал тот, смерив мужчину холодным взглядом. – Мне нужен самый лучший особняк на Глубоком озере.

– Да, да, я вас как раз ждал! – расцвел прохиндей. – Вот, Ольгу Ефимовну к себе для этого вызвал!

Он легонько подтолкнул к посетителям смущенную женщину. Похоже, она считала приставания начальника унижительными для себя, и ее смущало то, что кто-то стал свидетелем неприглядной сцены.

– Как раз то, что нужно, – ободрительно улыбнулся Шульгин.

И задорно подмигнул Илье. Именно эта женщина и нужна была им. Если, конечно, она не была тезкой риелторши, с которой вроде бы дружила Ася.

– У вас есть интересные предложения? – подхватил Илья, с приветливой улыбкой глядя на женщину.

– Да, конечно. Прошу!

У нее был свой кабинет, раза в два меньше, чем директорский, убого обставленный, зато она здесь была единственной хозяйкой, и никого не понадобилось выставлять за дверь, чтобы поговорить с ней без посторонних.

– Скажите, а Ася уже купила себе дом на Глубоком озере? – как бы невзначай спросил Шульгин.

Жилье в элитных поселках вдоль озера считалось очень престижным, стоило больших денег, поэтому женщина посмотрела на него удивленными глазами. Изумление переросло в недоумение, когда она задалась вопросом, откуда ему известно про Асю.

– А она что, собиралась покупать дом на Глубоком озере?

– А вы ее знаете?

– Кого, Асю?.. Знаю...

– А чего вы так растерялись, Ольга Ефимовна? – усмехнулся Шульгин. – Если вы думаете, что мы из кожвендиспансера, то не бойтесь, Ася кожными болезнями не страдает, поэтому не заразная...

– Я и не боюсь.

– Кстати, где она сейчас?

– Не знаю... Ее уже третий день здесь нет.

– Этот мужчина вам знаком? – Илья положил на стол увеличенную фотографию Сошникова.

– Э-э... Да... А почему вы спрашиваете?

– Потому что мы из полиции. – Шульгин предъявил служебное удостоверение.

– Из полиции? И вам нужна Ася? – Женщина растерянно смотрела на Дмитрия.

– Где она?

– Я же говорю, что не знаю.

– А что вы знаете про этого человека? – Дима ткнул пальцем в фотографию Сошникова.

– Ничего... Знаю только, что он с Асей познакомился, когда квартиру снимал. Она у нас по юридической части, но еще и съемным жильем занимается, в общем, он к нам пришел, она подобрала вариант, они поехали на квартиру. Потом он в ресторан ее пригласил, она сначала отказалась, потом все-таки согласилась, ну а там...

– В ресторан пригласил? Значит, деньги у него были?

– Да, имелись. Ася говорила, что у него много денег...

– Вы с ней дружили?

– С Асей? Ну, не то чтобы очень...

– Она замужем?

– Нет, разведена...

– Ребенок?

– Нет, с ребенком не повезло. Муж потому и развелся с ней, что родить она не могла. С женщиной одной сошелся, чтобы она ему родила, думал, что просто будет ее содержать, а она вопрос ребром поставила – или я с ребенком, или Ася, но тогда сына никогда не увидишь. В общем, Толик развелся с Асей. Развелся, но проходу ей не давал. Ревновал, следил за ней, чтобы мужиков у нее не было. Она потому и замуж не могла выйти, хотя предложения были. И этот Егор, кажется... Егор?

– Егор, – подтвердил Илья.

– Егор ей тоже предлагал замуж, но она боялась...

– Бывшего мужа?

– Ну да. Он у нее здоровый, дурной, боксом занимался, удар у него тяжелый. Он своими кулачищами всех женихов разогнал.

– Все это очень интересно. – Илья многозначительно посмотрел на своего напарника.

Шульгин понимающе кивнул в ответ. Он также взял на заметку этого боксера с кулачищами. Возможно, бывший муж Аси ворвался в квартиру к Сошникову и устроил там разгон. Возможно, он задался вопросом, откуда бывший зэк берет деньги, на что и получил ответ. Скорее всего, силой ответ этот выбил. Узнал про тайник, потащил Сошникова на кладбище и Асю с собой прихватил. А может, бывшая жена подсказала, где искать деньги...

– А где Ася живет? – спросил Шульгин.

– Квартира у нее своя. Хорошая квартира. Толик ей оставил, когда разводился.

– Адрес?

Ася Верховцева жила неподалеку, в старой пятиэтажке с высокими потолками. Дверь в квартиру новая, железная, как бы бронированная. Такая обшивка легко пробивалась пулей, но замок здесь серьезный, фомкой эту конструкцию не возьмешь. А на звонок хозяйка не отзы-

валась. У Ильи палец разболелся: так долго он жал на красную кнопку, но дверь так и осталась закрытой.

– Что делать будем? – спросил Шульгин.

– Не знаю, – пожал плечами Романов. – Может, она там сейчас, затаилась, ждет, когда мы уйдем. Если уйдем, она тихонько смоемся...

– Дверь взламывать надо, на это постановление нужно. – Дима в раздумье легонько пнул по двери.

Постановлением на обыск займется следователь, но пока он обратится в уголовную коллегию суда, пока будет рассмотрено ходатайство, пока примут решение и вынесут постановление... Впрочем, следователь мог решить вопрос и без обращения в суд, своим решением, но это опять же время. Да и дверь ломать надо...

– Слушай, а может, квартира на охране стоит? – спросил Илья, разглядывая провод, который тянулся к распределительному щитку.

– А что, это вариант.

Шульгин позвонил в межведомственную охрану и выяснил, что квартира действительно оборудована сигнализацией. Правда, на охране она сейчас не стояла, и потому номер с ложным вызовом не пройдет. А наряд на место происшествия прибывает не с пустыми руками, а везет запасной экземпляр ключа от квартиры, на который и рассчитывал сейчас Илья. Пришлось звонить Кулику, а тот в свою очередь договорился с полковником Кручей, а там и «ложный» вызов прошел.

Начальник мобильного наряда привез ключи, вскрыл квартиру, и тут же стало ясно, что сделал он это не зря. Сначала в нос ударил сладковатый тошнотный запах разлагающейся плоти, а затем Илья увидел труп мужчины.

Глава 6

Чем выше должность, тем больше времени уходит на раскачку. Когда-то Степан Круча первым выезжал на место убийства, а сейчас он мог позволить себе появиться там в числе последних или даже не утруждать себя личным присутствием. Есть следственно-оперативная служба, уголовный розыск, начальник криминальной полиции – там компетентные люди, они сами во всем разберутся. И все-таки он прибыл на место. Припозднился, правда, но прибыл. Труп уже уложили на носилки, накрыли простыней.

В квартиру заходить не хотелось. Не очень там хорошо пахло, да и люди еще работали – осматривали, выискивали, все как полагается в этих случаях. Не стал он переступать порог, так и остался на лестничной площадке. Поздно уже, на улице темнеет, поэтому лампочка уже горит, нагревая закопченную паутину над ней.

– Траванули мужика, – сказал Шульгин, сопроводивший его до квартиры. – Чем, не знаю, экспертиза покажет. Но умер он быстро. Паралич его хватил, а дальше смерть. Даже пены на губах не было, так быстро все произошло. И раздулся быстро.

– Быстро – это сколько?

– А столько, сколько времени прошло с убийства Сошникова. Это как максимум. Сначала Верховцев Сошникова убил, а потом сам за ним ушел...

– Верховцев?

– Да, Анатолий Аркадьевич Верховцев. Бывший муж Аси Верховцевой, с которой сошелся Сошников.

– И он убил Сошникова? – Круча с интересом смотрел на Шульгина.

– Судя по всему, да. Лопяхин отсканировал отпечатки, мы их уже сверили с теми пальчиками, которые нашли на кладбище. Полное совпадение. Верховцев был на кладбище. Образцы выделений возьмем, сверим, уверен, что экспертиза и по этой части все подтвердит. И это еще не все. У покойника нож в кармане нашли. Выкидной нож с тонким длинным лезвием. Таким примерно клинком убили Сошникова. Крови на лезвии не видно, но экспертиза дело тонкое, может, что-то заметит, да и в рукоять натечь могло. Если этим ножом Сошникова убили, то никаких сомнений в том, кто убийца, не останется. Да и так ясно, что Верховцев на кладбище был. Он был, его бывшая жена и Сошников. Мы на его жену вышли. Ася ее зовут, фамилия Верховцева. Она после развода фамилию не поменяла, то ли муж запретил, то ли сама не захотела. В девичестве она Желтовой была... В общем, пришли к Верховцевой домой, а в квартире труп...

– А она сама где?

– Хороший вопрос, – усмехнулся Шульгин. – Смылась она. Вещи собрала, и адью. Машина у нее, Сошников ей купил, «Фольксваген-Гольф». Мы уже узнавали, она машину на себя оформила, номера пробили, в розыск подали... Только она давно уже уехала, если позавчера, то уже двое суток прошло, за это время далеко можно уехать...

– Ничего, по постам пробьем, возможно, где-то засветилась ее машина.

– Да это понятно... Мы адрес ее родителей пробили, на Жуковского они живут, Романов туда поехал. Вряд ли она у них прячется, но все равно от этой печки будем плясать. Родственники, знакомые, адреса, пароли, явки, все такое...

– Думаешь, Верховцева отравила его бывшая жена?

– Больше некому. Он Сошникова убил из-за денег, а она его самого. Опять же из-за денег. Я так понимаю, там большая сумма была. Сошников собирался брату дом купить, большой дом, красивый...

– Интересно, откуда у него деньги? – Круча легонько сжал пальцами щеки возле уголков губ.

- Гадаем, – развел руками Шульгин.
- К профессиональной гадалке обращаться не пробовал? – хмыкнул Степан Степанович.
- Да нет, времени нет. – Дима посмотрел на него предельно серьезно и только затем улыбнулся, давая понять, что понял шутку. – А если серьезно, Верховцеву искать надо. Она должна знать, откуда деньги. И как на кладбище все было, знает. Может, она и не желала Сошникову смерти. А может, сама своего бывшего науськала...
- Сама не сама, а в работе уже два трупа.
- Думаю, на этом череда смертей прекратится. Не станет же Верховцева убивать саму себя?
- А вдруг? Вдруг раскается, да в петлю.
- Но это уже не убийство. Да и дело закроем... Уже все ясно. Мы свою работу сделали, дальше пусть следователь занимается. А нам осталось только Верховцеву найти.
- Ищи, Дима, ищи.
- Так уже... На юг надо ехать, на море. Лето уже, считай, там сейчас хорошо.
- Это ты о чем?
- О том, что Верховцева с деньгами умотала. Сняла где-нибудь квартирку на побережье и затерялась среди туристов.
- Думаешь?
- У нее же деньги, – плутовато улыбнулся Шульгин.
- Предлагаешь мне на юг съездить? – усмехнулся Круча.
- Да нет, мы бы с Ильей сами съездили.
- Говорят, с деньгами даже на Новой Земле можно хорошо устроиться. На Новую Землю поедете, а я, так уж и быть, потрудней задачку возьму, на юг поеду. Жена у меня большой специалист по части шопинга, может, и выйдет на Верховцеву где-нибудь в приморском магазине. Как думаешь, выйдет?..
- Все может быть... Если серьезно, Сошников хотел в Крым сбежать. Он человека у себя в Серпухове убил, сбежал в Москву, где-то здесь поднялся на деньги, спрятал их у нас на кладбище, сел, сделал себе татуировку, вышел, вернулся в Битово... Я так думаю, он здесь решил осесть, – размышляя, проговорил Шульгин.
- Почему ты так думаешь?
- Потому что он сразу поехал на кладбище, вскрыл тайник, отсыпал себе денег на первое время, остальные снова закопал. Познакомился с Верховцевой, снял квартиру... А может, сначала познакомился с ней, а потом сходил на кладбище за деньгами, чтобы машину ей купить... Возможно, и квартиру собирался купить, я не знаю... Надо еще раз с подружкой Верховцевой поговорить, может быть, она знает об их планах на совместное будущее?..
- Ты лучше с Верховцевой поговори, – закругляя разговор, сказал Круча. – Найди ее да поговори. И мне подробно все расскажешь.
- Истории о кладах всегда интересны. Особенно если эти клады криминального происхождения, причем из не столь уж давнего прошлого. А если такая история сопряжена с убийствами, то интерес к ней увеличивается прямо пропорционально количеству трупов. Полковник Круча профессионально заинтересован был в том, чтобы отправить соучастника и продолжателя этой истории за решетку. Он почему-то не сомневался в том, что Верховцева отравила его бывшая жена, чтобы не делиться деньгами. Могильными деньгами...

* * *

Красивая женщина – это, прежде всего, правильные и выразительные черты лица, волнующие линии носа, чувственные губы. Глаза должны быть необыкновенными, хорошая фигура – отнюдь не последняя строка в этом наборе внешних ценностей. Но у Аси Верховцевой черты

лица нечеткие, как будто даже размытые, в чем Лилия Матвеевна была совершенно права. Овальное у нее лицо, широковатое, а носик маленький, вздернутый, губы сочные, но не пухлые и небольшие. И глаза ничем особо не примечательные. Фигура отнюдь не модельная. Среднего роста она, плечи не самые узкие, ноги недлинные... Но глядя на нее, Илья не во всем соглашался с Лилией Матвеевной. Ася не симпатичная, а по-своему красивая и обаятельная. Глаза небольшие, но в них столько света – такое ощущение, будто они генерировали рассеянную по вечерним сумеркам энергию прошедшего солнечного дня. Яркая кофточка на ней в обтяжку, упругая грудь, легкие грациозные движения. Талия не тонкая, но пояс на низко опущенных джинсах широкий, поэтому она кажется узкой. Лилия Матвеевна говорила, что внешность у Аси еще не совсем изношенная, а Илья мог сказать, что консьержка переборщила в своих суждениях. Молодо Ася выглядела и очень свежо. Цветет и пахнет женщина... Да и не женщина она, а девушка. Красивая и очень сексуальная девушка.

Илья так залюбовался, что и забыл, зачем он приехал к ее родителям. И спохватился только, когда она поравнялась с ним:

– Здравствуйте, девушка!

Романов взял ее под руку мягко, но Ася дернулась так, как будто он ее ударил.

Но возмутилась не только она.

Только сейчас Илья заметил двух парней, что шли в нескольких шагах позади нее. Крепкие ребята, и не юнцы какие-то, обоим уже за двадцать. Да и вели они себя так, как будто за свой короткий век уже успели познать все премудрости жизни.

– Эй, мужик, ты чего? – возмущенно протянул высокий спортивного вида парень с густыми смоляными бровями под короткой обесцвеченной челкой.

Холеный он, с претензией на гламурность, черты лица не мягкие, но и звериной жесткости в них не было даже сейчас, когда он волком смотрел на Илью.

Зато у его спутника вид по-настоящему агрессивный. Грубое у него лицо, темное от внутренней злобы. И комплекция у него внушительная – бычья шея, накачанные плечи, рукава джинсовой куртки едва не лопаются под напором бицепсов. У этого действительно звериный нрав. Он злобно глянул на Илью, но вместе с тем и с радостью. Так ликует волк, загнавший в угол зайца. Он так рад был пустить в ход свои кулаки, что даже не стал разговаривать с Ильей.

Раз! И крепко сжатый кулак летит в цель... Два! Рука проходит мимо головы. Три! Она уже в жестком захвате. Четыре! Громила теряет равновесие, но Илья не позволяет ему ткнуться носом в землю, он ставит его буквой «г», задрав кверху взятую на прием руку. Гламурный качок не теряется, он тоже бросается на Илью с кулаками. Но столь стремительная расправа над его дружком смутила парня, и нет уверенности в его движениях. Растерялся он, поэтому медлит. Да и живот его открыт для удара. Но как бы то ни было, атакует, и с ним надо что-то делать. Руки у Ильи заняты, зато ноги свободны. Он занимался дзюдо, но и ногами тоже умеет бить.

Романов ударил крашеного ногой в пах, заставив отскочить назад и скорчиться от боли. И его дружку Илья сделал очень больно, уронив при этом на землю. Пока они приходили в себя, Илья достал табельный пистолет. Противник еще не совсем деморализован, может последовать новая атака, а зачем ему такая радость?

Ствол он достал быстро, четким заученным движением, чем произвел на парней угнетающее впечатление.

– Эй, ты чего? – попятился от него гламурный.

– А ты чего? – спросил Илья, глядя вслед уходящей Асе.

Она поспешила скрыться из виду, но уходила не куда-то, а к себе в подъезд. Что ж пусть, идет, Илья ее сейчас догонит.

– А чего ты к Полинке полез?

– К какой Полине? Разве это не Ася? – спросил Илья.

Теперь понятно, почему девушка выглядела так молодо и свежо.

– Ася – ее сестра. А это Полина, – затравленным волком глянул на него громила.

– Извиняюсь, обознался.

– А что, Асю можно за руку хватать?..

– Не знаю, надо бы у нее спросить, можно или нет. Где она, не знаете?

– Слышь, мужик, ты, вообще, кто такой?

– Из уголовного розыска я. А вот кто вы такие?

– Да не важно. – Низко наклонив голову, громила посмотрел на Илью из-под нахмуренных бровей.

– За нападение на представителя власти знаете, что бывает?

– Э-э, мы же не знали! – разволновался гламурный.

– А напали зачем? Из-за Полины?

– Ну да. Не надо было за руку ее хватать.

– А ты что, ее телохранитель?

– Нет, не телохранитель...

– Нравится она тебе?

– Паше нравится. – Крашенный показал взглядом на своего звероподобного дружка.

– А Паша ей не нравится, да? – спросил Илья.

Не та физиономия у громилы, чтобы он мог нравиться красивым женщинам. Зато Илья мог рассчитывать на симпатию со стороны Полины. Нет, он не должен был думать об этом, но ведь возникла мысль и вызвала злорадство.

– Не твое дело! – окрысился громила.

И этим подтвердил предположение Ильи. На большую мозоль ему наступили, потому и злится.

– Мой тебе совет, Паша, будь скромней. А то ведь влипнешь в историю, как бы со стенки не пришлось отскребать... Все, свободен!

Романов махнул на него рукой и, возвращая на место пистолет, направился к подъезду, в котором скрылась Полина. Он чувствовал спиной вибрирующий от напряжения взгляд Паши, но вслед не услышал ни единого слова. А ведь он понимал, куда Илья направляется.

Полина отозвалась на звонок сразу, но в дом впускать его не спешила.

– Что вам надо? – донеслось до него из-за двери.

– Полиция. Уголовный розыск.

Илья раскрыл свое удостоверение, приблизил его к дверному глазку.

– И что?

– Мне нужно с вами поговорить.

– Мне мама не разрешает незнакомым людям дверь открывать!

В ее голосе было больше куража, чем желания слушаться маму.

– Так давайте познакомимся! Меня Илья зовут!

Щелкнул замок, открылась дверь. Полина отошла в глубь освещенной прихожей, освобождая для него место. Она смотрела на него без страха, но с подозрением.

Девушка попросила Романова разуться и движением головы показала в сторону кухни. Илья последовал за ней, но сначала заглянул в одну комнату, а по пути – в другую. Обстановка в квартире скромная, но и бедностью здесь не пахло. Впрочем, его интересовали не качество ремонта и обстановки, он искал Асю. Нет никого ни в одной комнате, ни в другой, и в ванной пусто, и в туалете. Но возможно, Ася пряталась где-то в шкафу...

Илья не зашел на кухню, он становился в дверях, чтобы контролировать прихожую. Вдруг Ася прячется дома. Она может выбраться из своего укрытия и попробовать улизнуть.

– Вы что-то ищете? – настороженно спросила Полина.

Похоже, она уже жалела о том, что впустила его в дом.

– Не что-то, а кого-то. Вдруг ваш ухажер в шкафу прячется, вдруг нападет из-за спины.
– Это вы о чем? – с робким намеком на кокетство спросила она.
– А разве я не с вашими ухажерами имел дело во дворе?
– Это вы про Пашку? – с наигранным пренебрежением скривила девушка губы. – Он, может, и ухажер, только мне фиолетово.

– Ну, с Пашей-то я разобрался. А если еще кто-то есть? Девушка вы очень красивая, за такую и убить не грех. Не хотел бы я стать жертвой чьей-то к вам любви. Вы позволите?

Не дожидаясь ответа, он зашел в спальню, открыл шкаф, не поленился встать на колени, чтобы заглянуть под кровать. И гостиную обследовал, и про балкон не забыл.

– Вы что, серьезно ухажера ищете? – в недоумении спросила девушка.

– А вдруг?

– Вы псих?

– Еще нет, но на него учусь.

– Мне кажется, вы отличник в этой учебе, – съязвила девушка.

– Стараюсь.

– А зачем ты за руку меня хватал? – перешла на «ты» Полина.

– Понравилась ты мне очень, – не остался в долгу Илья. – Вот, решил познакомиться...

– А ты, правда, из милиции. Я видела, как ты Пашку закрутил, – не без восхищения сказала девушка и с интересом посмотрела на Илью, как будто только сейчас увидела в нем стоящего мужчину.

– Не из милиции, из полиции.

– Извините, господин полицейский.

– Товарищ полицейский.

– Да как-то не звучит, – едко произнесла Полина. – Товарищ милиционер звучит, а товарищ полицейский – нет.

– А любимый полицейский – так звучит? – с шутливой улыбкой, но всерьез спросил он.

– Любимый полицейский?! – Полина вдруг взяла Романова пальцами за щеки, фиксируя положение головы, затем глянула ему в глаза с одной стороны, с другой. Так врачи обычно осматривают пациента. – Для кого любимый?

– Для тебя.

– Кто?

– А кого ты хочешь?

– Я хочу?... Слушай, ты зачем ко мне пришел?

– Вообще-то, я не к тебе пришел, а к твоей сестре.

– К моей сестре? – растерянно заморгала Полина.

– Да, с ее родителями знакомиться пришел.

– Зачем с ее родителями знакомиться?

– А зачем обычно знакомятся с родителями?

– Ты что, жениться на ней собрался? – в недоумении посмотрела на странного гостя девушка.

Нет, Полина не ревновала Илью, но выглядела она расстроенной: не нравилось ей, что он переключился на ее сестру. Ей самой хотелось быть в центре его внимания.

– Ну, я не против, только у Аси муж очень ревнивый.

– Нет у нее мужа.

– А Толик?

– Он бывший муж... Но да, ревнивый. И по голове настучать может...

– Ты что, его боишься?

– А его надо бояться? – Илья внимательно глянул на Полину.

Похоже, она и не догадывалась, что Анатолия Верховцева уже нет в живых.

– Ну, смотря кому... Ты вон как Пашку крутанул...

– А Егор его боялся?

– Егор?.. Какой Егор?

– А с кем Ася роман сейчас крутит?

– Ну да, Егор у нее... Она говорила, что Егор...

– Что еще она говорила?

– Что боится за него.

– Прочему?

– Потому что у Толика не все дома. Он с головой не дружит, всерьез считает, что Ася его собственность. Любит, говорит, ее. А зачем на другой женился, спрашиваю? А он как шарахнет кулаком по столу!.. Вот здесь он сидел – Полина показала рукой на кресло, затем провела красивыми пальцами по журнальному столику до надломанного угла. – А сюда ударил. Видишь трещину?

– Вижу.

– Говорю же, не все дома.

– Ну, стол – предмет неодушевленный, ему не больно. А твоя сестра – живой человек. Он ее тоже бил?

– Нет! Ее он ударить не мог, – мотнула головой Полина. – Тебя может ударить, а ее нет.

А ты зачем это спрашиваешь?

– Да интересно. Ты вот говоришь, что Толик ее не бьет, она сама так говорит. А вдруг бьет? Если бьет, рога ему надо обломать.

– Подожди, тебе-то какое до нее дело, она же с Егором живет? – с подозрением сощурила глаза девушка.

– А если он Егора избивал?

– Тебе-то какое до этого дело?

– А он его избивал?

– Что-то мутите вы, господин-товарищ полицейский! Что с Асей случилось?

Подозрение в ее взгляде усилилось, но радости уже никакой. Не того происхождения это подозрение, беспокойство за сестру в нем скрывается, а не интерес к Илье.

– Ничего.

– А почему телефон не отвечает?

– Это ты у меня спрашиваешь? – удивился Илья. – Может, сама скажешь, почему ее телефон не отвечает?

– Я скажу?.. А что я могу сказать?.. – замялась Полина. – Если она с мужиком живет, она может телефон отключить...

– Зачем?

– Чтобы Толик не доставал.

– А если он ее уже достал? – Илья внимательно смотрел на девушку, выискивая фальшь в ее глазах.

– В смысле, достал? – в ожидании страшной новости внутренне сжалась Полина.

– Да так, пришел к Егору домой, на Асю наорал, а его убил.

– К Егору домой?.. Толик?.. Толик его убил?.. Это что, правда?.. А с Асей что?

Не фальшивила Полина. Она действительно ничего не знала. На Толика ей, по большому счету, было наплевать, а за сестру она очень переживала.

Глава 7

Хотел бы Илья, чтобы Полина смотрела на него влюбленно, но взгляд ее пылал вовсе не от сердечных чувств.

– Я спрашиваю, что с Асей?

Сжав кулачки, она угрожающе шагнула к Романову, и ему пришлось сдать назад.

– Это бы я хотел узнать, Полина, от тебя.

– Ты ее ищешь?

Она снова шагнула к Илье, и он отступил.

– Ишу.

– Зачем?

– Надо.

– Что она натворила?

И вновь Полина сделала шаг вперед, но Романов на этот раз остался на месте, и она лбом ткнулась в его широкую грудь. Ткнулась, но назад не шарахнулась, так и застыла на месте, раскинув по сторонами сжатые в кулаки руки.

– Мужа своего убила.

– Что?!

Полина отскочила назад так, как будто его грудь вдруг превратилась в раскаленную печку:

– Ася?! Толика?! Да нет, не может быть!

Она мотнула головой и пальцами сжала виски – как будто столь резкое движение вызвало боль.

– Когда ты в последний раз видела сестру?

– Когда видела? В воскресенье она заезжала, машиной хвасталась...

– Откуда машина?

– Купила.

– На какие деньги?

– Как на какие? Ася неплохо зарабатывает...

– А не хвасталась, что это Егора подарок?

– Егора подарок?... Нет, не хвасталась... А это что, он ей машину подарил? – В голосе девушки звучало восхищение, но какое-то фальшивое.

И еще сомнение в ее эмоциях угадывалось. Может, зря она Илью в заблуждение вводит? И во взгляде чувствовался такой же вопрос.

– Возможно. Егор – человек богатый.

– Да? Сестра не говорила...

– А как она относилась к нему, не упоминала?

– Говорила, что у них роман, а насколько там серьезно...

– Давно она с мужем в разводе?

– Уже почти четыре года...

– И много у нее мужчин было за это время?

– Были... Сколько, не знаю, но точно были. Только она старалась не говорить об этом.

Толика своего дурного боялась... Она что, правда, его убила?

Илья многозначительно промолчал.

– Блин, лучше бы ты свататься к ней пришел! – Полина эмоционально шлепнула себя ладонями по коленкам.

– Лучше чего?

– Чем услышать такое... Если она мужа убила, ее посадить могут?

– Могут.

- А где она сейчас?
- Это я и хочу у вас узнать... Полина, где ваши родители?
- Мама в ночную сегодня, отец в рейсе...
- Где мама работает?
- В больнице. Она у нас дежурная медсестра.
- А отец?
- Он фуру в Самару погнал. Отец у нас дальнобойщик.
- И давно он фуру погнал?
- Вчера поехал.
- Сам?
- С напарником.
- Я имею в виду, может, он Асю с собой взял?
- Да нет... Он бы сказал...
- Но ведь Ася могла попросить отца никому ничего не говорить. Все-таки она человека убила и ее полиция ищет...
- Кто человека убил, Ася?! – удивленно протянула Полина.
- А разве я тебе это не говорил?
- Да нет, говорил...
- Или Толик, по твоему мнению, не человек?
- Да нет, человек... Просто это так дико звучит – Ася убила человека! Не могла Ася убить! Не могла!.. Да и как она могла его убить, если он такой здоровый?
- Она его отравила... Говоришь, мама у вас медсестрой работает?
- Ну да.
- Может, Ася спрашивала у нее про лекарства, которыми можно человека отравить?
- Только маму мою приплетать не надо! – в знак протеста скривила губы Полина.
- Я не приплетаю, я просто спрашиваю... Пока еще не ясно, каким ядом отравили Анатолия Верховцева, но экспертиза покажет.
- Да нет, не спрашивала Ася про такие лекарства... Да и не могла она отравить Толика.
- Почему?
- Зачем ей это?
- Может, ей надоела опека с его стороны.
- Не надоела...
- Почему?
- Ну как бы вам это сказать... Ей нравилось, что Толик ее ревнует.
- Так он же не просто ее ревновал, он мешал ей жить.
- А если она его любила? Если ей нравилось, что он за ней бегаёт как ненормальный?
- Вам бы, Полина, такое понравилось? – с сомнением посмотрел на девушку Илья.
- У женщин свое представление о жизни, мужчине их сложно понять.
- Так это смотря какой мужчина, – загадочно улыбнулась Полина.
- А какой Толик был мужчина?
- Крутой он мужик, сильный. Личность. Женщинам такие нравятся.
- Паша тоже крутой парень. Не думаю, что слабый.
- Не слабый. И крутой, – согласилась девушка.
- Но тебе же он не нравится? – разволновался вдруг Илья.
- Почему не нравится? – с дразнящим удивлением вскинула брови Полина. – Очень даже нравится.
- Почему же ты его к себе не подпускаешь?
- Почему не подпускаю? А вдруг он сегодня ко мне придет? Может, он всегда ко мне приходит, когда родителей нет? А что, я девушка взрослая, мне уже двадцать три года... Почему

не записываете, товарищ господин полицейский? Вы же допрашиваете меня, а протокол не ведете... Тебя Илья зовут? – спросила она, неожиданно отбросив ехидство.

– Илья.

– Может, ты все придумал?

Она приблизилась к нему с жеманством женщины, желающей, чтобы ее приласкал любимый мужчина. Илья невольно протянул к девушке руку, чтобы обнять за талию, привлечь к себе, носом зарыться в ее пшеничные волосы, но вовремя спохватился, отступил назад. Полина лукаво сощурилась, глядя на него.

– Ты же все это придумал?

– Что, все?

– Ну, что Ася убила Толика?

– Зачем это мне?

– А затем, чтобы познакомиться со мной. Я понравилась тебе на улице, ты пришел ко мне, придумал повод для знакомства...

– Откуда я узнал про твою сестру?

– А если я еще раньше тебе понравилась? – с плутовским блеском во взгляде спросила Полина. – Вдруг ты придумал повод для знакомства...

– Убийство – не повод для знакомства. Такими вещами не шутят, – развел руками Романов.

– Жаль, – грустно вздохнула она, склонив голову набок. И взгляд у нее остановился, как у человека, который мысленно обращается к самому себе, причем без надежды на утешительный ответ.

– Твоя сестра убила человека, и я должен ее найти.

– Чтобы отправить в тюрьму?

– В тюрьму отправляет суд, я всего лишь должен задержать подозреваемую, – повел плечом Илья.

– Подозреваемую? Значит, ты не уверен, что это Ася убила Толика? – внимательно посмотрела на него девушка.

– Как я могу быть в этом уверен? Мы открыли ее квартиру, Аси там нет, а труп есть... В кресле Толик сидел, мертвый, а перед ним на ковре лежала чашка, кофе разлит... Что там было в кофе, покажет экспертиза. А кто подмешал яд, расскажет Ася.

– Чашка с кофе, – в раздумье, тягучим запоздалым эхом проговорила Полина. – И кофе был отравлен?

– Предположительно, да.

– Странно.

– Что здесь странного?

– Зачем Асе оставлять кружку с отравленным кофе? Я бы на ее месте вымыла чашку так, чтобы никаких следов кофе не осталось. Но на ее месте был кто-то другой...

– Она сама и была на своем месте.

– Ты уверен?

– Когда мы все будем уверены в своих суждениях, суд можно будет упразднить за ненужностью. А пока что виновность человека устанавливает именно суд...

– Кто еще был в квартире, кроме Толика и Аси?

– Ничего не могу сказать, наблюдение за квартирой не велось, видеокамеры по углам не стояли.

– Значит, был еще кто-то, кроме Аси. Или Аси не было совсем.

– А как тогда Толик попал к ней в квартиру?

Какое-то время Полина смотрела на него с иронией:

– Ты что, не понимаешь?

- А что я должен понять?
- Ася любила Толика. И он ее любил. Они любили друг друга. И делали это у нее в квартире. В их общей квартире... Иногда он приходил к ней, тайком от жены. Для этого у него были ключи... Может, он пришел к ней, а за ним его Валька. Может, это она его траванула?
- Зачем?
- Из-за ревности... Ревнивая женщина – страшная женщина. Когда я кого-то ревную, я сама себя боюсь... Это Валька могла Толика отравить. И ему отомстила, и Аську подставила...
- Где же тогда Ася? Почему мы не можем ее найти?
- Так, может, она у Егора своего? – пожала плечами девушка.
- Полина, я, конечно, тебя понимаю, ты хочешь выгородить свою сестру. И хорошо, если Ася не виновата. Но мы все равно должны ее найти.
- А что, у Егора ее нет? – сделала вывод девушка.
- Самого Егора нет. Убили его, – мрачно усмехнулся Илья.
- Убили?! – большими глазами посмотрела на него Полина.
- Похоже, два убийства сразу не укладывались в ее голове:
- И его тоже убили?
- Сначала его, потом Толика.
- Кто его убил?! Ася?
- Казалось, Полина вот-вот спросит, все ли у Ильи в порядке с головой.
- Нет, не Ася. Толик его убил.
- Из ревности?
- Не совсем.
- А что тогда?
- Это долгая история.
- Так я никуда не спешу...
- Я спешу, – с сожалением хлопнул себя по бедру Илья.
- Жена, дети?
- Служба. Сестру твою искать надо.
- На ночь глядя?
- Потому и жены нет, что по ночам приходится работать.
- А сейчас ты работаешь? – заметно приободрилась Полина.
- Выходит, что да.
- Может, совместишь приятное с полезным? Пошли, я тебя чаем угощу.
- С чем чай? – улыбнулся Романов.
- С сахаром... Извини, полония у меня нет, не подвезли еще, – сдавленно засмеялась девушка. – Но как только, так сразу.
- Без полония лучше.
- Полина провела гостя на кухню, включила электрический чайник, открыла холодильник, достала оттуда колбасу, сыр, из хлебницы извлекла батон, вымыла руки, сделала нарезку, приготовила бутерброды.
- Извини, что всухомятку. Я на работе, мама на смене, готовить некому. Да и не для кого. Отец в рейсе, а я не ужинаю, фигуру берегу. Ничего, что я хвастаюсь? – в шутку спросила Полина.
- Ты не хвастаешься, ты себе рекламу делаешь, – в том же духе отозвался Илья. – Только зачем? Тебе не нужна реклама.
- Так говорят про товар, который пользуется спросом, – наливая чай, польщенно улыбнулась она.
- А разве ты не пользуешься спросом?
- Смотря у кого.

- У Паши, например.
- Дался тебе Паша.
- Может, мне пора уже идти? – с досадой спросил Романов.
- Полина пронизательно глянула на него и хитро улыбнулась:
- Чтобы нам с Пашей не мешать?.. Ты что, ревнуешь?
- Да нет, – смутился он под ее пронизывающе-насмешливым взглядом.
- Ревнуешь! – засмеялась девушка.
- Я не для того к тебе пришел, чтобы ревновать... – Илья вдруг смутился.
- Я же видела, как ты на улице на меня смотрел! – стала наседать на него Полина.
- Как я на тебя смотрел?
- Во все глаза смотрел!
- Правильно, во все глаза. Я тебя за Асю принял.
- А чего ты оправдываешься? – Полина уязвила его.
- Я оправдываюсь? Я не оправдываюсь! – ладонями оглаживая полы своей джинсовой

куртки, мотнул головой Илья.

Непростая штучка, эта Полина. С языком, юморком и подначкой. Но тем она была интересней.

- А краснеешь чего?
- Я краснею?! – возмущенно протянул Романов. – Я не краснею!
- А чего за щеки себя трогаешь?
- Ну, ты и язва!
- Язва – мое второе имя, – ничуть не смутилась девушка.
- Опять реклама пошла?
- Ты ешь давай, пока рекламная пауза не закончилась, – развязно сказала Полина, пода-

вая чай.

И тарелку с бутербродами перед ним поставила. Только что-то аппетита у Ильи не было. После столь бурной перепалки кусок в горло не лез.

Полина села на противоположный край стола, подперла кулачком подбородок, затихла в печальном раздумье. Только недолго длилось молчание.

– Странно как-то, ты пришел мою сестру арестовывать, а я тебя чаем пою, – сказала она так, будто обращалась к самой себе. – Бутербродов настрогала...

Илья улыбнулся. Полина сама подставилась под ответный удар, и он с удовольствием его нанесет. А месть его будет ужасной.

- Это потому что ты в меня влюбилась, – как будто о чем-то третьестепенном сказал он. От неожиданности девушка поперхнулась. Не ожидала она от него такого коварства.
- Я в тебя влюбилась?
- Да, влюбилась. Заигрываешь со мной, бутербродами меня заманиваешь, – наслаждаясь замешательством собеседницы, лихо наседал на нее Илья.

– Заигрываю?

– А разве нет?.. Я же вижу, как ты на меня смотришь!.. А вот краснеть не надо! Ну, влюбилась и влюбилась!

– Кто краснеет? Я краснею? – Только сейчас ее щеки начали заливаться стыдливым румянцем.

– Ну, я же краснел, теперь твоя очередь.

– Знаешь, ты кто?

– Только давай без оскорблений! – вскинул кверху обе ладони Романов. – Я, между прочим, при исполнении.

– Ну, давай, арестовывай меня, если ты при исполнении!

– С наручниками?

– С наручниками, – кивнула она.

– Гражданка, оставьте свои эротические фантазии при себе! – с шутилкой угрозой проговорил Илья.

Какое-то время Полина смотрела на него напряженным немигающим взглядом, затем улыбка тронула ее лицо, и она заливисто засмеялась, будто радуясь заработанному Романовым очку в их противостоянии:

– Знаешь, а с тобой интересно!

Она ладонью провела сверху вниз перед своим лицом, снимая смешливое выражение лица и натягивая вместо него маску невозмутимой серьезности:

– Только я и не думала в тебя влюбляться.

– И правильно. Нам нельзя опускаться до близких отношений, – с важностью и строгостью официального лица сказал он. – Не та ситуация, гражданка Желтова. Я ищу вашу сестру, подозреваемую в совершении убийства, вы, возможно, ее прячете.

– Я ее не прячу, – с самым серьезным видом ответила Полина.

– У вас есть дача?

– У меня? У меня нет.

– А у родителей?

– Нет. Пока нет...

– Что значит пока?

– Отец участок купил, но там даже забора нет. Только вагончик. И далеко это...

Илья задумался. По всей видимости, Верховцева уехала из города с деньгами Сошникова. Сумма там, скорее всего, немалая, и с ней можно найти себе убежище более надежное и комфортное, чем вагончик на голом земельном участке. К тому же Ася не настолько глупа, чтобы прятаться там, где ее будут искать в первую очередь. Но все-таки адрес Илья записал...

Глава 8

За окном уже давно стемнело, а Романов все не уходил. Во-первых, ему не хотелось расставаться с Полиной. Во-вторых, он еще задал ей не все вопросы. А главное, его никто не гнал из квартиры. Илья видел, что девушка тоже тянется к нему.

– На Урале дядя Женя живет, в Екатеринбурге, квартира у него своя. Адрес я не знаю, надо у мамы спросить...

Илья кивнул и сделал очередную пометку в блокноте. Он прошелся по родственникам и знакомым Аси Верховцевой, где-то записал адреса полностью, где-то поставил знак вопроса. Надо было выяснить все места, где могла скрываться Ася. И, надо сказать, урожай он собрал солидный, недели на две работы, если ехать и в Екатеринбург, и в Новосибирск, и в Нижний Новгород, и в Астрахань... Но ведь не факт, что Полина назвала все адреса. Может, она знает, где прячется сестра, но не хочет ее сдавать? Если так, то работа с названными уже адресами – пустая трата времени.

– Ну, в Екатеринбург далеко ехать... – сказал он, в раздумье постукивая авторучкой по кончику своего носа.

– Но тебе же нужно найти Асю, – грустно и без всякого вызова глянула на Илью девушка.

– А тебе?

– Может, мне еще и наручники на нее надеть?

– Не надо наручники... Пойми, ее все равно найдут. Рано или поздно, но найдут. Но будет лучше, если это случится рано.

– Раньше сядешь, раньше выйдешь, так, что ли?

– Раньше сядешь, меньше дадут. А чем дольше она будет находиться в розыске, тем больше будет срок.

– Не убедил, – покачала головой Полина. – К тому же я не знаю, где Ася. Правда, не знаю.

– Тогда ты должна мне помочь ее найти.

– Я помогаю.

Заскучала она, закислолась, но Илья знал, как ее расшевелить:

– Все не так просто, Полина. Я бы сказал, все очень не просто. Я не уверен, что Ася вообще жива.

– Как это ты в этом не уверен? – встрепелась девушка. – Что с ней могло случиться?

Ее угнетала мысль, что сестру подозревают в убийстве, ищут, возможно, найдут, но с таким финалом еще можно было смириться. Грустила Полина, но не отчаивалась. А тут вдруг оказывается, что сестры и в живых-то уже, возможно, нет.

– Я ж говорил, что там долгая история. Возня вокруг денег. Возможно, это большие деньги. И я все больше убеждаюсь, что это так. Сначала погиб любовник Аси, затем ее бывший муж. Деньги перешли к Асе, но, возможно, с ней остался еще один... э-э, скажем, участник этой истории. Нет, лучше сказать, соучастник преступления...

Судя по следам, которые остались на кладбище, вместе с Сошниковым там были двое, предположительно Ася Верховцева вместе со своим бывшим мужем. Но, возможно, в этой компании находился кто-то четвертый, гораздо более осторожный и аккуратный – он не курил, бычки на землю не бросал, руками за крашеную ограду не брался, на столик ладони не клал, на сырую землю не наступал... Вряд ли такое могло быть, но жизнь, она такая штука, что ничего нельзя исключить.

– Что ты такое говоришь? Я тебя не понимаю? – встревоженно смотрела на Илью Полина.

– А то и говорю, что у Аси могли отобрать деньги. Возможно, и жизнь...

– Кто мог отобрать у нее деньги? Кто мог отобрать у нее жизнь?

Девушка разволновалась так, что Илья пошел на попятную:

– Ну, это чисто гипотетическое предположение, скорее всего, Ася жива... Но ситуация очень серьезная. В розыске она, сто пятая статья на ней, убийство.

– Но ты же сказал, что ее может не быть в живых, – напомнила ему девушка. – И что за деньги? Что за возня?

– У Егора были деньги, Верховцев их отобрал, но, в конечном итоге, они оказались у Аси. И она с ними сбежала.

– И много денег?

– Не знаю, сколько, но, возможно, сумма очень большая...

– И ты думаешь, что Ася пошла бы на убийство из-за денег?

– Знаешь, что такое золотая лихорадка? Это когда жажда наживы сводит с ума вполне нормальных на вид людей. Золотая лихорадка – это безумие. Безумный человек не ведает, что творит...

– Ася не такая. – В словах Полины чувствовалось желание помочь своей сестре.

– Ты сама в этом уверена?

– Да. Потому что я знаю свою сестру. Я очень хорошо ее знаю, – в раздумье проговорила девушка.

– И знаешь, что она любила своего бывшего мужа, верно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.